

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

МАЙКЛ

ИННЕС

ГАМЛЕТ, ОТОМСТИ!

Золотой век английского детектива

Майкл Иннес

Гамлет, отомсти!

«АСТ»

1937

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Иннес М.

Гамлет, отомсти! / М. Иннес — «АСТ», 1937 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-100647-1

Любительская постановка «Гамлета» с участием представителей аристократических семей Англии завершилась ужасным преступлением — убит лорд-канцлер, игравший роль Полония. Инспектор Джон Эплби обращает внимание на тот факт, что незадолго до убийства таинственный неизвестный начал буквально преследовать жертву анонимными посланиями, содержащими в себе цитаты из произведений Шекспира. Но что это было — угрозы, предупреждения или что-то еще?.. Джон Эплби и его друг, профессор Джайлз Готт, готовы взяться за это дело и найти виновного...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100647-1

© Иннес М., 1937

© АСТ, 1937

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	16
3	29
4	36
5	48
Часть вторая	53
1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Майкл Иннес

Гамлет, отомсти!

© Michael Innes Literary Management Ltd, 1937

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Часть первая Пролог

Актеры прибыли, милорд... И пьесу мы увидим завтра.

1

Если вам случится провести летний отпуск в окрестностях местечка Хортон, обязательно «совершите восхождение» на небольшую гору Хортон-Хилл. Это не составит особого труда, а оттуда вам откроется прекрасный вид. Гора является одновременно цитаделью и форпостом. К северу от ее вершины простираются характерные для английского пейзажа невысокие холмы, куда переходит подножие горы. К югу тянется низменность, где на небольшом отдалении видна серебристая лента моря. В семи с небольшим километрах за пологими холмами скрывается торговый городок Кингс-Хортон. За возвышенностью спряталась близлежащая деревенька Скамнум-Дуцис, о существовании которой свидетельствуют голубовато-серые дымки. Прямо под горой, за торжественным великолепием лужаек, сада и оленьего парка располагаются вычурные и в то же время неброские постройки имения Скамнум-Корт. Возможно, это не самая роскошная из английских родовых вотчин. Однако весьма большое поместье: в одном из соседних графств располагается нечто вроде его младшего брата – Бленхеймский дворец.

И все же с вершины Хортон-Хилл Скамнум выглядит почти игрушечным. Аскетичные линии фасадов, яркая зелень газонов, тщательно ухоженные сады, окруженные знаменитыми висячими живыми изгородями, словно перенесенными из Шёнбрунна, – все это одновременно создает впечатление полета фантазии и некой строгости, ограничивающей экстравагантность обитателей. Кажется, что Скамнум говорит: здесь находится средоточие гордости имущих мира сего, но тут и смиренная сдержанность, свойственная умудренным опытом. Мистер Эддисон, проживи он на несколько лет дольше, с одобрением бы отнесся к этой величественной громадине. Мистер Поуп, хоть и отправился сочинять язвительные эпиграммы, тайно приезжал сюда, чтобы насладиться видом. А доктор Джонсон, когда ездил на чай к третьему герцогу, надевал свой лучший сюртук. Ибо что означают эта упорядоченная величественность, строгие пилястры и ухоженные цветники, как не воплощение главного морального постулата восемнадцатого века: величие жизни есть богатство в сочетании с благовоспитанностью.

Вот вкратце история Скамнума и его владельцев.

За тридцать лет до рождения Шекспира Роджер Криппен, едва сводивший концы с концами под соколиным гербом в Чипсайде, сделался сподвижником Томаса Кромвеля. Обладавший острым умом и недюжинным талантом замечать ошибки в гроссбухах – или фабриковать их в случае нужды, – этот человек поднялся одновременно с падением изживших себя религиозных устоев. Его сыновья унаследовали его способности. Его внуки выросли в атмосфере строгости и скрупулезности финансовых операций. Когда Елизавета взошла на трон, Криппены уже владели торговыми домами в Париже и Амстердаме. Когда король Яков отправился на юг, Криппены обладали большим влиянием в унаследованном им королевстве.

Началась Гражданская война, и семейство приняло сторону короля. В поместье Хортон расплавили столового серебра на тысячи фунтов стерлингов, а Хамфри Криппен, третий барон Хортон, сражался бок о бок с принцем Рупертом Пфальцским, когда тот опроки-

нул кавалерию «круглоголовых» в битве при Нейзби. Однако банкирам нельзя поддаваться восторгам: Криппены также управляли десятками тысяч фунтов, лившимися из Голландии через Ла-Манш в Лондон и в частности в Парламент. И во время конфискаций в период диктатуры Кромвеля они не потеряли ни пенса. Тогда же – нарочито отойдя от дел – они тайно финансировали королевский двор в изгнании, и в период Реставрации глава семейства Криппин получил титул герцога. Со времени посвящения Роджера Криппена в рыцари прошло около ста тридцати лет.

«Криспин» осталось названием банковского дома. И именно на банковские дивиденды в течение всего времени строился и расширялся Скамнум-Корт. Хортон воссиял с присоединением обширных пастбищ на севере и с прибавлением богатых пахотных угодий на юге. «Нельзя, – туманно намекал нынешний герцог, – держать яхту на суше». И яхта, и огромный дом на Пиккадилли, и имение Кинкрей в Морейшире, и вилла в Рапалло стали дополнением к величественной громадине Скамнума. («Управлять Скамнумом с помощью толпы горничных? Ну же, ну же!» – воскликнул герцог, когда закрыл его во время войны.) Однако все это являло собой лишь часть богатств, которыми управляли потомки Роджера. Ибо Криппин стоит за промышленными гигантами Рура. Криспин прокладывает железные дороги в Южной Америке. В Австралии можно целыми днями ехать по овцеводческим фермам Криппина. Продается ли живописное полотно в Париже или соболья шкурка в Сибири – Криппин извлекает свою выгоду. Если в Лондоне вы покупаете автобусный или театральные билеты, Криспин прямо или косвенно получает свою долю.

И отсюда, с овеваемой ветрами вершины Хортон-Хилл, путник может наблюдать венец этого могущества и составить мнение о нем соответственно своим философским или политическим взглядам, а также руководствуясь своим воображением. Внизу лежит Скамнум, некая сокровищница, охраняемая лишь мраморными богами и богинями, молчаливо стоящими на широких террасах или, подобно Нарциссу, склонившимися над изящными рукотворными водоемами. Скамнум беспечный и неиспорченный символ порядка, благополучия и главенства закона, возвышающийся над сонным сельским пейзажем. В огромном восточном крыле помещается картинная галерея: там висит знаменитый хортонский Тициан и «Аквариум» Вермеера, за которого отец нынешнего герцога заплатил в Нью-Йорке целое состояние. Там находится скандально известный небольшой пейзаж Рембрандта, который отец нынешней герцогини, еще живя в Дублине, купил за десять шиллингов в захудалой книжной лавке рядом с улицей Лиффи. За него десять лет спустя он послал изумленному книготорговцу тысячу фунтов. В противоположном, западном крыле располагается оранжерея. Иногда летними вечерами там устраиваются балы, и свет льется на темные лужайки из длинной череды распахнутых створчатых окон. И любопытный труженик со своей подругой, увидев длинную вереницу въезжающих в парк автомашин, взберутся на вершину холма, вытянутся на ковре из клевера и станут смотреть на мир, столь же далекий, как на картинах Вермеера: на крохотные фигурки, украшенные драгоценностями, словно по волшебству парящие над террасами. Время от времени ветер доносит до холма отголоски музыки. Иногда это странная музыка, чарующая и волшебная. Но иногда она кажется знакомой, когда либо услышанной по радио или на пластинке, – и тогда парень с подругой вдруг чувствуют неловкость и смущение. Скамнум уже давно сохранял собственный мир в неприкосновенности и под покровом загадочности. Многие герцоги Хортонские ужинали за столами землепашцев, многие герцогини смеялись и болтали на улицах Скамнум-Дуцис. Однако все они знали, что прежде всего нужно стремиться к тому, чтобы на них взирали издали, что их сила в том, чтобы оставаться предметом мечтаний и фантазий тысяч людей: далекими, украшенными драгоценностями и окруженными волшебным ореолом. Мы все герцоги или герцогини Хортонские – и в этом парадокс, – пока вокруг нас играет достаточно необычная музыка.

С вершины Хортон-Хилл можно увидеть часть огромного внутреннего двора Скамнума и одно из его архитектурных излишеств. Здесь в девятнадцатом веке один из герцогов, запоздалый ревнитель рыцарских идеалов, возвел причудливый готический памятник в виде зала с накатным потолком. Его постройка окутана какой-то страшной тайной: кроме вершины холма, зал можно видеть только из некоторых внутренних окон дома, и, взирая на него, остается лишь сожалеть об уничтоженном фонтане, некогда стоявшем на его месте. В семье его иногда называют Причудой Питера, а гораздо чаще – со скрытой иронией, которую Криспины усвоили вместе с аристократизмом, – банкетным залом. Там довольно сыро, пахнет плесенью и все буквально усеяно витражами. Его никогда ни для чего не использовали. Точнее, не использовали до тех пор, пока герцогине не пришла в голову одна мысль. Мысль, неожиданно привлекая к Скамнуму внимание всей Англии, после чего к подножию Хортон-Хилл устремились потоки автобусов с любопытными экскурсантами.

Вот и теперь по всему видно, что готовится нечто необычное. Однако безоблачный июньский день пока ничего об этом не знает. Из голубятни над садом доносится самый безмятежный из всех звуков доброй старой Англии. Ему лениво вторят галки, скрывающиеся под сенью вязов на старинной аллее. Где-то вдалеке, там, где расположены конюшни, колокол бьет четыре. Скамнум дремлет. На холме нет туристов с биноклями в руках, гоняющих щиплющих травку овец или размышляющих о том, что происходит в Скамнуме. Никому и в голову не придет узнать герцога в небольшого роста человеке в коротких бриджах, остановившемся поговорить с садовником у пруда с лилиями. Никто бы не узнал в молодом человеке в изящных рейтузах и жокейских сапогах, прогуливающимся у конюшни, Ноэля Айвона Мериона Гилби, наследника титула. Никто бы не догадался, что высокий мужчина, идущий по дорожке, – его давний наставник Джайлз Готт, признанный специалист по елизаветинской драме. Что красивая девушка, задумчиво глядящая на него с террасы, – леди Элизабет Криспин. Никто не знает, что беспокойный человек с черным ящиком не королевский фотограф, а американский филолог. Никому не известно, что в «Роллс-Ройсе», приближающемся к южной сторожке, едет лорд-канцлер Англии, прибывший сюда, чтобы пошутить и развеяться в обществе своей давней подруги Анны Диллон, нынешней герцогини Хортонской.

В настоящий момент Скамнум, безусловно, занимает умы многих людей. В Ливерпуле серьезные молодые люди изучают планы его горизонтальной проекции. В Берлине знаменитый искусствовед читает лекцию о его художественном собрании. Его «жизнь», красочно описанная в вечерних газетах, бойко продается на улицах Бредфорда, Морли и Лидса. Скамнум всегда присутствует в рубрике «Это интересно». Вскоре он переместится в «Новости».

«Роллс-Ройс» ныряет под причудливый мостик, соединяющий сторожки-близнецы, и с тихим урчанием едет по подъездной дорожке.

– И ее светлость, – с достоинством объявил Макдональд, – получит столько роз для банкетного зала, сколько соизволит заказать.

– Хорошо, – ответил герцог, скрывая радость неожиданной победы. – Теперь посмотрим-ка, – он сверился с надписями на конверте, – ага, душистый горошек. Его хватит, чтобы заполнить все вазы эпохи Мин в большой гостиной.

– В большой гостиной! – ужаснулся Макдональд.

– В большой гостиной, Макдональд. Большой прием, знаете ли. Прямо-таки событие.

– Я прослежу за этим, – сказал Макдональд суровым тоном.

– И вот еще что. Ужин подадут в длинной галерее...

– В длинной галерее!

– Ну же, ну же, Макдональд. Большой званый ужин, сами знаете. Нечто необычное.

Примерно на сто двадцать персон.

Макдональд задумался.

– С вашего позволения, сэръ, это больше похоже на салон лайнера, чем ужин в благородном доме на современный манер.

Макдональд представлял собой одну из достопримечательностей Скамнума. «Вы видели нашего прагматичного шотландца?» – любила спрашивать герцогиня, после чего обласканный вниманием гость удостваивался чести быть представленным старшему садовнику и осторожного разговора с ним. Тем не менее герцог считал, что иногда Макдональд мог утомить кого угодно.

– Как бы там ни было, – произнес герцог, подсознательно прибегнув к коронной фразе своей знаменитой речи, произнесенной им в палате лордов в 1908 году, – как бы там ни было, Макдональд, поставим гвоздики.

– Если вашей светлости угодно, – сурово ответил Макдональд, – я подумал, что можно и гвоздики.

– Гвоздики. В длинной галерее поставят один длинный стол, и из кладовой уже принесли тридцать серебряных ваз...

– Тридцать, – машинально повторил Макдональд, словно лихорадочно что-то вычисляя.

– ...которые наполнят красными гвоздиками.

– Хортон, – твердо заявил Макдональд, – так нельзя!

Когда Макдональд прибежал к такому жуткому средневековому обращению – безусловно, совершенно уместному в его родных краях, – значит, дело дошло до критической точки. Да и сам герцог целый день ждал чего-то подобного.

– Так нельзя, – продолжал Макдональд с мрачной убедительностью. – Вы можете подумать, что если у вас в длинной галерее соберется сто двадцать человек гостей, то потом эти сто двадцать душ пойдут гулять по моим теплицам. И вы подумаете, что спрос уже велик: все гостевые комнаты и сорок спален, не говоря уже о дворечках, которые закрутят с моими горничными у меня за спиной! Мое же мнение таково, – закончил Макдональд с напором, оставив аргументы, – что цветам вообще не место в доме. Им расти под чистым небом и ярким солнцем, пуская сильные корни.

– Ну же, ну же, милый Макдональд...

– Я не говорю, что выхода нет. Возможно, вашей светлости знакома книга миссис Хантер «Полевые цветы Шекспира»?

– М-м-м, не знаю...

– И не надо. Она не претендует на ученость. Однако книга есть в библиотеке, и, возможно, она убедит ее светлость...

– Ну же, ну же, Макдональд!

– ...что полевые цветы Шекспира на длинном столе будут смотреться куда более к месту, нежели мои гвоздики. Вам стоит лишь распорядиться, ваша светлость, и мои девчонки пойдут в лес от южной сторожки и нарвут сколько надо. В тридцати серебряных вазах, – с жаром добавил Макдональд, – они и вправду украсят стол!

Уклончивый ответ герцога свидетельствовал о том, что он колеблется:

– Честное слово, Макдональд, вот уж не знал, что вы знаток Шекспира.

– Шекспир, ваша светлость, был весьма искушен в садоводстве, и хорошему садовнику надлежит знать Шекспира. В пьесе, которую скоро покажут, садовые предметы упоминаются одиннадцать раз.

– Одиннадцать раз! Боже мой!

– Да, одиннадцать. Трава, фиалка, роза, червоточина дважды, шипы, прививка на стволе, плод с дерева, пальма и подрезанный в цвету – чего делать нельзя. Это все есть в новой книге профессора по фамилии Сперджен.

– Ах да, – неосторожно обронил герцог. – Сперджен... неглупый парень.

– Это очень талантливая дама, – сказал Макдональд.

Механизм империи Криспинов продолжал работать – мощно, точно и вездесуще. Могли Макдональд, победоносно завершив этот разговор, ощутить своим склонным к метафизике шотландским умом глубокую иронию, осознавая (несмотря на всем известную инертность герцога) присутствие всевидящего ока Криспинов?

Макдональд вышел на тропинку и направился к южной сторожке.

«Роллс-Ройс» резко затормозил. Лорд Олдирир поднялся во весь рост позади неподвижного шофера и театральным жестом приветствовал приближавшегося Джайлза Готта.

– Похоже, это замок Баркклофли, ведь так?

Готт пожал ему руку и поклонился – ровно так, как кланяются малознакомым людям, имеющим влияние на короля. Затем он рассмеялся:

– Вон замок, сразу за деревьями.

– Одних только слуг с три сотни там, я слышал?

– Скоро туда съедутся три сотни гостей, насколько мне известно. В руках герцогини все обретает огромные масштабы.

– Садитесь, – с привычной властью сказал лорд-канцлер. Когда «Роллс-Ройс» тронулся, он вздохнул: – Я боялся, что именно так все и выйдет. Анне всегда нужен большой холст. Это ошибка, которую никогда не совершал ее отец.

– А разве она не управляла стариком Диллоном?

– Думаю, да – как умная женщина может направлять гения. Она ограничивала его портретами, выбирала нужный момент для «капитуляции» перед Академией художеств и так далее. – Лорд Олдирир умолк. – По-моему, свою роль я знаю. А какая роль у вас?

– Я постановщик. И я построил сцену наподобие елизаветинской.

– Боже праведный! Где?

– В банкетном зале.

– Заплесневелая, сырая дыра. Значит, все очень серьезно: дерзкая постановка и трагедия Шекспира и все такое. Набежит толпа вашей ученой братии, а?

– К ночи слетится целая стая. Американец, кажется, уже там. Герцогиня никогда не серьезна до конца, но работает на удивление много.

– Анна всегда этим отличалась. Неделями работала взаперти, чтобы достичь сиюминутного совершенства – или, возможно, сиюминутного абсурда. Именно так она сюда и попала. Чем она занимается, костюмами?

– Ничего подобного. Она штудирует тексты. Раздобыла второе хортонское кварто и взяла у кого-то первое фолио. Ужасаюсь, если она в азарте начнет делать заметки на полях. Она также изучает сценическую традицию. На нее огромное впечатление произвели рассказы о Гаррике, особенно как он ведет первую сцену с тенью отца. Она чуть ли не наставляет Клэя по этой сцене.

– Наставляет Клэя! – хмыкнул лорд Олдирир. – Это пойдет ему на пользу. Добиться шумного успеха в роли Гамлета в Лондоне и Нью-Йорке – а потом получать наставления от какой-то женщины в любительской постановке. Зачем ему все это?

Этот неожиданный вопрос заставил Готта задуматься.

– Наверное, он поддался величию Скамнума, – наконец предположил он.

– Хм! – недоуменно произнес лорд-канцлер и тут же добавил: – А Элизабет? Как ей все это нравится? Наверное, лестно играть рядом с Клэем?

– Без всякого сомнения, – ответил Готт.

Какое-то время они молчали. Машина мчалась по подъездной дорожке. Им встретился Макдональд, учтиво приложивший руку к шляпе.

– А Тедди? – продолжил «допрос» лорд Олдирир. – Что думает Тедди об этом чрезвычайно разросшемся мероприятии?

Лицо Готта выразило неуверенность.

– Не совсем понимаю, что думает герцог по этому или иному поводу. Я ведь, как вы знаете, дальняя родня Диллонов, так что герцогиню я более или менее могу «просчитать». Но вот герцог ставит меня в тупик. Не хотел бы я вставлять его в роман, даже как второстепенного героя. Он вполне мил на средней дистанции, но весьма утомителен на ближней.

Ответом лорда Олдиерна стало молчание. Затем он задал еще один вопрос:

– Вы разве пишете романы?

«Вот черт, – подумал Готт, – недаром ты выдвинулся из всех адвокатов Англии». Ответил он вежливо, но твердо:

– Под псевдонимом.

Однако не так-то легко было отделаться от любопытного лорд-канцлера.

– Под каким же? – не отставал он.

Готт сказал.

– Черт подери, детективы! Ну, полагаю, они вполне соответствуют вашей кропотливой и въедливой работе. Как, впрочем, и моей. И что же пишете сейчас? Вставьте в роман описание любительской постановки в Скамнуме?

– Думаю, едва ли это потянет на детектив, – ответил Готт.

Он подумал, что лорд Олдиерн был далек от того, чтобы вести себя дерзко. Он просто столкнулся с любопытством, свойственным всем старикам. Однако Готт не любил разговоров о своем хобби. Возможно стараясь переменить тему, он наклонился и протянул руку к закатившемуся в угол бумажному шарик.

– Что это? – спросил лорд Олдиерн.

Готт развернул бумагу и недоуменно уставился на три машинописных строки, красовавшихся на четвертушке листа.

– Опять Шекспир, – ответил он, – вроде наших приветствий пару минут назад. Только это не «Ричард Второй», а «Макбет».

В лорде Олдиерне снова проснулось любопытство.

– Читайте, – сказал он.

Готт прочел:

Охрип и ворон,
Тот, что прокаркал с моих стен
О Дункана зловещем появлении.

«Роллис-Ройс» остановился у нависавшей над ним громады Скамнума.

– Любопытно, – произнес лорд Олдиерн.

Половина восьмого вечера. Ноэль Гилби сидел на восточной террасе, поочередно глядя на коктейль, роман «Хендли Кросс» и на своего прежнего наставника, присевшего рядом с кратким «Привет, Ноэль» и с несколько неодобрительной рассеянностью воззрившегося на занимавшийся закат.

– Двенадцатого августа к открытию охотничьего сезона в Кинкрее устраивают небольшое торжество, – нарушил молчание мистер Гилби. – В прошлом году тетя Анна закусила удила, и вересковые пустоши заполнились охотниками, словно туда выехал весь Корпус военной подготовки. Но нынче дядя Тедди настоял на своем.

– Даже так, – отозвался Готт.

– Он вас приглашает, – продолжил Ноэль, повернув книгу, чтобы рассмотреть иллюстрацию. – Поедете?

Готт покачал головой.

– Полагаю, что я буду в Гейдельберге, – мрачно ответил он.

– Хм! – Ноэль явно перенимал манеры лорд-канцлера, подсмотренные за чаем. После паузы он добавил: – Мне подарят новое ружье двенадцатого калибра.

Среди сверстников-технократов Ноэль выделялся своим «эстетизмом». Обычно он только и говорил что о молодых поэтах. Он издавал для них журнал и писал передовицы с обсуждением Андре Бретона и Марианны Мур. Ходили слухи, что он был на чаепитии с мистером Эзрой Паундом. Однако атмосфера Скамнума, казалось, вернула его к «истокам». Он проникся местным колоритом – или тем, что представлялось колоритом его резвому воображению. Он читал Сёртиса и Бекфорда, писал заметки о винтовке Фергюсона. Он говорил со старшим конюхом об уходе за лошадьми. Он часами пропадал в арсенальной, беседуя с ее одноглазым куратором.

– Наверное, какая-нибудь игрушка, – сказал Ноэль и, видя, что эта тема не вызвала интереса, добавил: – Почему вы не взяли коктейль?

– Привычка, – ответил Готт. – Старики в колледже Святого Антония не пьют коктейли перед ужином, и это вошло у меня в привычку. – Он снисходительно улыбнулся своему бывшему студенту. – Я уже в том возрасте, Ноэль, когда привычки берут свое.

Ноэль посмотрел на него с серьезным видом.

– Полагаю, что вы стареете, – сказал он. – Сколько вам лет?

– Тридцать четыре.

– Слушайте! – воскликнул Ноэль. – Вам же скоро сорок.

– Совсем скоро, – холодно ответил Готт.

– Знаете, – начал Ноэль, – по-моему, вам надо...

Он осекся, заметив в дальнем углу террасы фигуру в смокинге.

– Вот идет ваш приятель Банни. Оставляю ученых мужей наедине. Разговор о пунктуации Шекспира пойдет вам на пользу.

– Мой приятель кто?

– Банни. Доктор Банни из Освего, США. Ему не терпится познакомиться с настоящим членом Британской академии. Полагаю, – невинным тоном добавил Ноэль, – что для тридцати четырех лет это неплохо, а? Ну, пока-пока, папуля Готт.

С этими словами мистер Гилби удалился.

Готт подозрительно смотрел на приближавшегося доктора Банни. Тот нес в руках довольно большой черный ящичек, который он поставил на стол перед тем, как обменяться рукопожатием с Готтом.

– Доктор Готт? Рад познакомиться. Меня зовут Банни, Банни из Освего. Мы с вами коллеги в одной большой области. Пусть процветает знание.

– Здравствуйте. Именно так, – ответил Готт, и его лицо приняло улыбочивое, заинтересованное и настороженно-понимающее выражение, являющееся защитой, к которой англичане прибегают в подобных случаях. – Вы приехали из-за пьесы?

– Из-за фонологии пьесы, – поправил доктор Банни. Он повернулся и щелкнул выключателем на черном ящичке. – Скажите «на дворе трава», – тихо произнес он.

– Что-что?

– Ничего. На дворе трава.

– О! На дворе трава.

– А теперь «бежит безвозвратное время».

– Бежит безвозвратное время, – произнес Готт со скрытым негодованием доброго пуританина, принужденного к богохульству.

– Спасибо.

Банни повернулся и щелкнул еще одним выключателем. Черный ящичек тотчас зататорил: «Скажите на дворе трава что что ничего на дворе трава о на дворе трава а теперь бежит безвозвратное время бежит безвозвратное время спасибо».

Банни расплылся в улыбке.

– Это высокоточный диктофон Банни. Позже, разумеется, – вкрадчиво пояснил он, – все переносится на бумагу.

– На бумагу. Конечно же.

– Переносится на бумагу и анализируется. Доктор Готт, примите мою благодарность за дружеское содействие, без которого невозможно развитие науки. Словами окрыляются умы. Напитки подают?

– Херес и коктейли в библиотеке.

Когда доктор Банни исчез из виду, Готт решил попрактиковаться в скороговорках.

– Колпак! – сказал он. – По-колпаковски колпак переколпаковать!

– Джайлз, что это вы кудахчете, яйцо снесли или что?

На террасу выплыла леди Элизабет Криспин, держа сморщенную вишню на коктейльной соломинке.

– Всего лишь пытался сказать кролику, что о нем думают лягушки, – туманно ответил Готт, с трудом подыскивая жалкое академическое объяснение. – Аристофан...

– Аристофан! Вам разве Шекспира мало?

– В самый раз. Аристофан, Шекспир, а между ними Банни.

– Так это Банни, да? Вы говорили ему в черный ящик?

– Да. Банни, выбитый из бани. Как он сюда попал?

– Мама познакомилась с ним на каком-то приеме. Она сказала пару слов в его черный ящик и пришла в совершенный восторг. Он упрячет в свой ящик всю пьесу, а когда вернется домой, прочтет лекцию о гласных, согласных, фонамах и всем прочем. Только мама думает, что в нем есть что-то зловещее.

– Зловещее?

– Шпион в черном или что-то такое. Государственные тайны исчезают в черном ящике. Скушайте вишенку, Джайлз.

Готт разжевал вишню. Леди Элизабет уселась на широкую каменную балюстраду.

– Еще один жуткий закат, – сказала она.

– Да уж! – воскликнул Готт, ободренный подобным единомыслием. Однако Элизабет вернулась к американцу:

– Полагаю, Банни цитировал вам античных классиков и распространялся о развитии науки, так?

– Да.

– А вы смотрели на него с вежливым интересом профессора Святого Антония?

– Да... То есть, конечно, нет.

– Дорогой Джайлз, наверное, вам ужасно скучно разменивать Шекспира на пятаки для устройства праздника варварам. Вы же все это прекрасно знаете.

– Никакой это не размен. Все на удивление серьезны. А мне хочется увидеть Мелвилла Клэя на некоем подобии елизаветинской сцены. И в особенности мне хочется видеть вас.

Элизабет изящно переменяла позу, чтобы получше рассмотреть свои золотистые домашние туфли.

– Лучше бы эти триста гостей меня не видели. До чего же у мамы изощренный ум, словно она живет лет двадцать назад! Вам не кажется?

– Время не властно над ней, – ответил Готт.

– Да, знаю. Она просто чудо. Однако только ее современники могут додуматься до того, чтобы отпраздновать совершеннолетие дочери, нарядив ее в белый атлас, чтобы она выслу-

шивала ругань некоего героя-любовника, а потом ее похоронили на радость всей округи и высоколобых снобов.

После этого страстного монолога она едва сдерживалась. Готт искренне удивился:

– Но вы ведь не возражаете, Элизабет?

Она спрыгнула с балюстрады.

– Нисколько. По-моему, мне даже нравится. Клэй просто красавец.

– И чрезвычайно обходительный.

– Да, – согласилась Элизабет. – И, Джайлз... очень надеюсь, что все мои реплики вам понравятся!

– Ироничная особа. – Готт встал. – Пробежимся-ка вокруг пруда перед ужином, Элизабет!

И они ринулись вниз по широкой лестнице. На обратном пути встретили Ноэля, размахивавшего письмом:

– Послушайте, Джайлз, Элизабет! Черная Рука!

Элизабет недоуменно уставилась на него.

– Ты хочешь сказать – черный ящик, дитя мое?

– Вовсе нет. Что-то в духе жутких творений дядюшки Готта. Изготовилась для удара и все такое.

Готт все понял:

– Вы получили напечатанные на машинке строки?

Ноэль вытащил из конверта четвертушку бумаги и протянул ее Готту. Все трое с любопытством посмотрели на нее. Строчки гласили:

И прошепчу им имя страшное свое:

То месть, она заставит всех обидчиков дрожать.

– Это из «Тита Андроника», – сказал Готт.

– Дурацкие шутки, – резюмировал Ноэль.

Где-то вдалеке закрывался парк Сент-Джеймс. В открытое окно доносился еле слышный перезвон, похожий на зов изгнанного из рая архангела. Личный парламентский секретарь министра, рассеянно глядя на открывавшийся перед ним вид, заметил один из дворцов – свое прежнее место службы. Они с сэром Джеймсом уже давно поднялись по служебной лестнице, однако это повышение стоило больших нервов. Он забарабанил пальцами по подоконнику.

– Доставят через несколько минут, – сухо произнес постоянный заместитель министра.

– В диппочте?

– Вернет Хильферс... Кройдон.

– Вот как. – Парламентский секретарь был откровенно раздосадован, но при этом одновременно и доволен. Наступило молчание, наконец нарушенное звуком шагов в длинном коридоре. Вошел пожилой дежурный референт.

– Капитан Хильферс прибыл, сэр.

– Перейдем к расшифровке, – коротко бросил заместитель министра парламентскому секретарю. – И распорядитесь оторвать все начальство от ужина.

После этих слов секретаря вдруг охватило веселье.

– Разумеется, они должны прибыть незамедлительно, – с важным видом согласился он.

Премьер-министр подвел итог часовому совещанию.

– Вызовите Олдири, – приказал он.

- Олдирн в Скамнуме, – ответил парламентский секретарь.
- Вызовите этого... как его... – распорядился премьер.
- Вызовите капитана Хильферса, – сказал в телефонную трубку заместитель министра.

Над Хортон-Хилл сгущаются летние сумерки. Пасущиеся на его склонах овцы приобретают призрачные очертания. Лежащие к северу пологие холмы обретают резкие контуры, а раскинувшийся внизу Скамнум окутывается таинственным ореолом. С высоты птичьего полета сотни его огней кажутся большим городом. А его бледная громадина похожа на вид Европы с небосвода, как в начале каждой пьесы из трилогии Харди «Династы». То тут, то там появляются призраки. Зловещие и ироничные, призраки взирают на Скамнум-Корт в эти летние вечера.

2

В свое время огромные холсты Анны Диллон приобрели определенную известность. Лионель Диллон, вращаясь в веселых, ничем не примечательных и шумных компаниях, которые его дочь собирала в их гостеприимном доме в Хэмпстеде, склонялся к тому, чтобы она думала главным образом о количестве. Сам же Диллон тогда больше заботился о качестве. Он мог целый год в мрачной задумчивости стоять у одного-единственного холста, тем самым используя все время, не уходившее на выпивку и буйства, за которыми следовали исповедь, месса и вновь обретенная творческая сосредоточенность. Он был из эпохи, предшествовавшей последнему десятилетию девятнадцатого века. «Делать все, чтобы не выделяться» – под таким девизом проходили его «спокойные» периоды. Он писал картины, одеваясь так же неброско, как и его отец, дублинский стряпчий.

Анне, «взявшей шефство» над вдовцом, когда ей еще не исполнилось двадцати, пришлось в корне изменить уклад его жизни. Она знала, что он не соответствует нравам уходящего столетия, и в этом заключалась определенная опасность. Бренди был неким смертельным проклятием старшего поколения. Она решила отказаться от него, вместо этого переключившись на более мягкий и респектабельный кларет. «Диллон, – говаривала она, используя любую мелочь для поддержания культа гения, – родился с пустым стаканом в руке». И она обеспечила ему стакан вина в день, на деле оборачивавшийся без малого бутылкой. Касательно кларета речь о количестве не шла. Она выбирала лучший из того, что можно было купить в Лондоне, и он поставлялся в погреба регулярно дважды в год, даже если приходилось на время откладывать счета за жилье и от портнихи Анны. И это возымело эффект. Неясные мысли исчезли с холстов, уступив место написанным торопливым почерком рукописям, провозглашенным чудесными в Лондоне, Глазго и Париже. И хотя Диллон знал, что его ранние творения когда-нибудь станут высоко цениться, он не возражал. И дело было отнюдь не в усилиях Анны: он чувствовал некий творческий порыв и знал, где уже исчерпал свои возможности и где у него есть будущее. И некий конформизм, обретенный им в Толедо, словно какое-то откровение, в Англии все еще воспринимался как своего рода ересь. И эта неортодоксальность вполне вписывалась в картину, создаваемую Анной.

Время больших приемов стало критической отметкой. Нелегко было составлять компании из непримечательных представителей богемы, принимать, ублажать и развлекать их хотя бы один вечер. И даже при подаче простого игристого вина и печенья это обходилось дорого. Однако это снова возымело эффект. Простой закон больших чисел выделил среди этих разношерстных сборищ звезды первой величины. Отбор наступил потом.

Возможно, поворотной точкой стал академический банкет. Он вполне мог оказаться пустышкой, если бы его описали как безвкусное фиаско: газеты вполне склонялись к тому. Но у Анны все получилось. Много трудов ушло на то, чтобы дюжина тщательно отобранных молодых людей разыграла из себя почтенного главу августейшего английского института и его свиту: двенадцать седых бород, двенадцать аристократических поклонов. Анна сохраняла полное присутствие духа. Она сразу отвергла авантюристическое предложение тайком заманить на банкет настоящего главу академии. Она без колебаний заперла в туалете молодую актрису, блестяще разыгравшую неприметную жену председателя академии. Диллон и его закадычный друг Макс Коуп к этому случаю каждый в своей бравурной манере написали пару травести из наиболее обсуждаемых «картин года». А некий влиятельный лондонский торговец, со свойственным ему чутьем уловив, что в воздухе что-то носится, тотчас же купил оба фарса за куда большую цену, чем просили за оригиналы в Академии художеств. Все происходившее искусно держалось под покровом таинственности, хотя об этом знала поло-

вина Лондона, и ознаменовало собой апогей и окончание хэмпстедского периода. Периода притворства и розыгрышей, как его называл Диллон.

Девяностые годы девятнадцатого века прошли спокойно. Сначала была поражающая великолепием белая столовая Оскара Уайлда. Потом появился Джеймс Уистлер, после чего, под влиянием мощного стимула, Лионель Диллон сделался салонным остряком. Посыпались заказы на портреты, атаки на фешенебельный мир завершились вполне закономерной атакой фешенебельного мира. Затем последовали частые визиты в лучшие дома Лондона. Диллон, обретший известность на манер лорда Теннисона и обеспечивший свое благосостояние, послав пару неплохих картин в Центральную Европу, обыденно посещал многочисленные приемы, где всегда присутствовал кто-то из королевской семьи. Наконец, последовал некий конкордат с Академией художеств, и примерно на это же время пришлось помолвка Анны с маркизом Кинкреем, наследником герцога Хортон.

При всем этом нельзя сказать, что Анну Диллон отличал некий «карьеризм». Она всегда была несколько отстраненным существом, как сказал один остряк, жрицей комического духа, полной тайных насмешек. Она любила говорить, что ее выбор предельно ограничен. Земельная аристократия, любое профессиональное сообщество и европейское дворянство тотчас отвергли бы ее. Принять ее смог бы лишь большой дом с либеральными традициями. И хоть она с течением лет органически вписалась в Скамнум, в ней что-то осталось со времен юности. В гостиной с резными панелями на стенах она любила стоять у рояля, стараясь подражать девушке у рояля на холсте Уистлера, висящем на стене. Она сохранила прежнюю статью, ибо то, что время сгладило во плоти, задолго до этого сгладила и запечатлела на холсте мастерская кисть художника.

И все же жизнь герцогини всегда протекала несколько странно, перемежаясь некими комическими периодами. Возможно, они являлись отголосками «буйств» Диллона, только эти излишества приобретали больший размах. Тому примером являлась нынешняя ее шалость, каприз, принявший такие масштабы, что вызвал бы удивление даже в Скамнуме. Нечто подобное она могла бы устроить в Хэмпстеде, и ее отец хоть и посмеялся бы, но охотно бы в этом поучаствовал. Однако Лионеля Диллона уже десять лет как не было на свете, и из его окружения остались лишь лорд Олдрих и Макс Коуп, полубезумный старик с белоснежной бородой и галантными манерами, приехавший внести свою лепту, написав, возможно, свою последнюю картину для Академии художеств: «Трагедия «Гамлет», поставленная в Скамнум-Корте».

До «премьеры» оставалось всего трое суток. В течение всего дня поочередно прибывали гости, и герцогиня все еще представляла их друг другу в оставшиеся до ужина несколько минут.

– Диана, это Чарлз Пайпер, ужасно интересный человек. Чарлз, Марсель Пруст вставил двоюродного брата мисс Сэндис в «Содом и Гоморру». Или же отказался?.. Диана вам все расскажет. Диана, расспросите для меня мистера Пайпера о его новой книге. Наш бедный доктор Банни!

Банни, после долгих и мучительных раздумий решивший, что его черный ящик будет на церемониальном ужине совершенно неуместен, столбом стоял у камина.

– Доктор Банни, позвольте вам представить Тимоти Такера, потрясающе красивого мужчину. Он, знаете ли, выпустил книгу Пайпера. Мистер Такер, это доктор Банни. Он также страстно увлекается фонологией.

Герцогиня повелительно кивнула в сторону издателя с довольно уродливым лицом, который тотчас же завязал разговор о предмете, совершенно ему неизвестном. Подобная словесная эквилибристика считалась нормой на приемах в Скамнуме.

– А что, – мрачно начал Такер, – вы думаете о младограмматиках?

Этот вопрос обеспечивал удачу на девяносто девять процентов. Банни был очарован. Разговор завязался и пошел своим чередом.

Мелвилла Клэя, настоящего красавца, де-факто и без лишних слов представили лорду Олдиру. Готт стоял у окна, слушая, как Макс Коуп вспоминал пикантные подробности из жизни Одри Бердслея. Джервейс Криспин, пожилой кузен герцога, пытался развлекать несколько странную американку с ее пугающе одинаковыми дочерьми-близняшками. Элизабет отослала подготовить маленького темнокожего человека – еще одну недавнюю находку ее матери – к разговору с лорд-канцлером о политике. Ноэль беседовал с русской знакомой Джервейса Анной Меркаловой на безукоризненном французском, необходимом будущему члену дипломатического корпуса. В то же время он бросал совершенно недипломатичные ядовитые взгляды на мистера Пайпера, увлеченного разговором с мисс Сэндис. Герцог с любезной улыбкой обходил общество, прикидывая длину стола. Он терпеть не мог есть без присутствия супруги и светской беседы. Пока что гостей собралось, слава богу, не очень много, но последним поездом прибудет еще целая толпа. Пока что он решил заняться вдвой с двойняшками. Он поспешил к герцогине, чтобы та напомнила ему, как зовут эту даму. Миссис Терборг. И как раз вовремя.

Минутная стрелка голландских настенных часов приняла горизонтальное положение, показывая четверть девятого. В открытых дверях показался Бэгот, пожилой дворецкий. Герцог без труда увел за собой миссис Терборг. Ноэль, немного впопыхах освободившись от Анны Меркаловой, прежде чем ее вверили Банни, поспешил в другой конец комнаты. Однако он опоздал. Хозяйка уже успела движением руки пригласить пройти вперед увлеченных разговором мистера Пайпера и мисс Сэндис. Тимоти Такер и Мелвилл Клэй вели под руку двойняшек. Элизабет не отпускала от себя темнокожего, поскольку ей пришлось опекать восточного гостя, как мрачно сказал Ноэль Готту. Сами же они, вместе с Джервейсом Криспином и Максом Коупом, прошли вперед кучкой оказавшихся без пары холостяков и друзей дома. Шествие замыкали герцогиня с лордом Олдиром.

– Печенье, Йэн, – говорила она, – и шампанское из Раймса вместо Реймса!

Лорд-канцлер хмыкнул:

– И бочку яблок в студию для приближенных.

Перед герцогиней Хортон лорд Олдирн мог предстать таким, каким большинство окружающих его никогда не видели, привыкнув к его повседневному официальному облику. Это был человек, достигший успеха и довольный им, предающийся воспоминаниям, несколько отстраненный, терпимый и вместе с тем критичный. Он достиг того возраста, когда оставившие след в мире готовятся оставить и сам этот мир. А поскольку между ним и Анной Диллон существовали давние и трогательно-сентиментальные отношения, он мог доверить свои мысли ей и больше никому.

– Недолго мне осталось собирать яблоки, – сказал он с тонким намеком на литературную аллюзию. – И недолго мне читать Шекспира. Полагаю, еще год-другой с Горацием и Чосером – и потом в Аид на охоту за добрыми и знакомыми призраками.

– Здесь мы вас призраком не считаем, Йэн. Как видите, мы дали вам роль пронырливого и мудрого старца.

Лорд Олдирн покачал головой:

– Шут в тапочках и объект насмешек. А Полоний становится призраком еще до конца пьесы.

Герцогиня сжала его руку.

– Как и все мы, – ответила она. – Кроме молодого Чарлза Пайпера, который должен остаться в живых и написать много добротных романов.

Пайперу отвели роль Горацио.

– Вы знали, что Готт пишет романы?

– Да. Но он стесняется их, поскольку они не добротные. Он считает, что они суть время, украденное у него как у исследователя старинных текстов. Я искала старинные издания для постановки, и его писательство кажется мне недостойным занятием. Я почти уверена, что такой умной голове место в кабинете министров.

– Дорогая Анна, вы так серьезно относитесь к бремени власти! Как насчет того, чтобы на недельку отвлечь меня от государственных дел? Однако в чрезвычайной ситуации они вызывают таких, как Готт. Весьма странно, но никто, кроме профессионального правдоискателя, не сможет выдумать добротную и правдоподобную ложь. Когда нужна пропаганда, профессора оказываются на высоте.

– Кстати, о лжи, – сказала герцогиня, – вы слышали объяснения Джервейса по поводу его русской знакомой?

С этими словами она отправилась рассаживать гостей.

Готт, ничего не подозревая о своей потенциальной роли и значении обмана в чрезвычайной ситуации, оглядывал общество глазами постановщика. Он все больше и больше убеждался в том, что размах намечавшегося представления приобретает угрожающие масштабы. Все началось с невинной семейной забавы. А теперь, хотя публичного освещения не предвиделось, в Скамнум съезжались театральные критики, словно на какой-то важный фестиваль. Съезжались профессора, чтобы качать учеными лысынами над трактокками своих коллег. Съезжались престарелые члены царствующего дома, чтобы высказать вежливое недоумение. Больше всего тревожило то, что съезжались «все» – с целью, безусловно, быть там, куда съехали «все» остальные. И даже если эти «все» являлись избранными – теми, перед кем лорд-канцлер мог лицедействовать без всякой опаски, – они, тем не менее, представляли собой толпу, чья реакция могла оказаться непредсказуемой.

Труппа, которая ставила «Гамлета», обладала одним изначальным преимуществом. Ее отличало тщательное отношение ко всему. Ее члены унаследовали скрупулезность, сочетающуюся с традициями Скамнума касательно ответственности за проведение досуга. Благодаря этой привычке легкомысленный Ноэль никогда не возьмется за крикетную битку или теннисную ракетку, не взвесив предварительно свои силы и шансы. Эта же привычка заставит Элизабет на следующий год оставить Самервилл-колледж и продолжить образование после того, как она чудесным образом найдет свое призвание в изучении множества скучных старо- и среднеанглийских текстов. Именно эта привычка заставляла Джервейса Крипина вскакивать со своего места в палате общин, чтобы обсуждать длинные колонки цифр, невинно обратив взор к потолку. Все это делает постановку «Гамлета» как можно более достоверной. Однако Готт все же пребывал в сомнениях. Актерское мастерство – настолько трудное дело, что должным образом его можно освоить только из-за финансовой необходимости. Самый лучший режиссер – это дилемма «играй как следует или выметайся».

– Вам не кажется, что игра на сцене – самое неестественное в мире занятие? – раздался справа от Готта голос одной из одинаковых сестер Терборг – мисс Терборг-первой.

– Я только что думал об этом... – Готт про себя отметил отсутствие чудесного единомыслия, сопровождавшего чуть раньше мнение Элизабет о закате. – Однако некоторые говорят, что мы только и делаем, что играем.

– Да, но ведь это же совсем другое дело, так? Мы всегда разыгрываем внутри себя свой идеальный образ – свою «персону», кажется, так? – чтобы возвыситься в своих или чужих глазах. Или же мы притворяемся, чтобы достичь того, чего хочет наше настоящее «я». Однако вся эта затея с перевоплощением в кого-то и примеркой на себя его образа и желаний – в чистом виде фальсификация – разве это не противостоит естеству?

Сидевшие по обе стороны от нее Готт и Мелвилл Клэй посмотрели на девушку с некоторым любопытством. Готт как преподаватель оценивал ее интеллектуальный уровень. Клэй же заинтересовала дискуссия о теории актерского мастерства. Он с жаром включился в нее:

– Это самое неестественное в мире занятие. Именно поэтому оно до сих пор считается чем-то недостойным. И поэтому оно увлекательно и интересно. Никто никогда не становится кем-то еще. Некем становиться, и это всего лишь неудачная фигура речи. Говорят о том, как актер «проживает» свою роль и все такое. Но это же ведь все надумано, не так ли? Игра есть игра, и удаётся она, когда ты в форме. Вот почему так трудно играть любителям – потому что все дело в технике.

– Ну, – сказал Готт, – «Гамлета», к счастью, почти невозможно испортить. А поскольку все лежит на ваших плечах, у нас все получится.

– Да, более чем получится! В процессе постановки для меня стало почти откровением, с какой быстротой умные люди набирают нужные навыки. Леди Элизабет прекрасна, а герцог просто великолепен. Оба постигли главную истину. Если игра – это стопроцентная техника, то техника на семьдесят пять процентов состоит из координации и слаженности. – Клэй повернулся к герцогине, чтобы подробнее остановиться на слаженности.

Да, на самом деле во всех проведенных репетициях Элизабет показала себя прекрасно, а герцог просто великолепно. Было нелегко заполучить хозяина Скамнума на сцену. В назначенный час он то наставлял своего управляющего, то получал наставления от страхового агента, то чопорно играл в крокет с женой викария на дальней, обсаженной кедрами лужайке. Он вообще относился к этой затее с каким-то смутным недоверием. Однако когда он оказался на огромном помосте, сооруженном по указанию Готта в банкетном зале, стало ясно, что его роль подходит ему как нельзя лучше. Являлось ли это делом техники или нет, но шекспировский жестокий узурпатор Клавдий воплотился как живой среди окружавших его придворных.

– Анна, – сказал герцог с другого конца стола, – я насчет цветов в длинную галерею в понедельник. Быть может, поставить шекспировские полевые цветы? Я посмотрел книгу о них в библиотеке, и теперь мы сможем заполучить почти все их виды.

– Маргаритка полевая, – уверенным голосом вставил Банни, – и фиалка голубая, и сердечник луговой.

Он с улыбкой оглядел стол с видом человека, придавшего изящества всему происходящему. Все одобрительно смотрели на него, кроме Терборгов, бросавших на Банни холодные взгляды. Только в Соединенных Штатах, подумал Готт, несогласие проявляется столь открыто.

– Пойдемте и нарвем их, – предложила Диана Сэндис.

– Их надо собирать в понедельник, – возразила герцогиня, – но тогда мы будем очень заняты. Хотя мысль хорошая.

Герцог задумался:

– Можно попытаться уговорить Макдональда, чтобы он послал кого-то из своих ребят в лес за цветами. Или, возможно, ребяташек из сторожек. Я поговорю с ним.

Затем, кивая своим мыслям об этой возможности, он продолжил рассказывать миссис Терборг об интересе Шекспира к садоводству. Та, подхватив разговор о цветах, подробно развила тему глоксиний, львиных зевов, хионодоксов и кольквиций, куда более знакомых скорее Макдональду, нежели его хозяину. Сидевший чуть поодаль Чарлз Пайпер слушал их разговор с нескрываемым интересом человека, привыкшего записывать в дневник, прежде чем лечь спать. В его будущих сочинениях некая дама обязательно станет распространяться о глоксиниях, львиных зевах, хионодоксах и кольквициях.

– Кто этот молодой человек, столь внимательно слушающий мою матушку? – спросила мисс Терборг-первая.

– Чарлз Пайпер, романист, – ответил Готт. – Только что вышла его весьма успешная книга «Скотский ярус».

Казалось, что мисс Терборг-первая перебирает у себя в голове некую обширную картотеку.

– Ну конечно: «страшная тайна скотского яруса». По-моему, это о Христе.

– Нет. Это о детстве Достоевского.

– Достоевский, – твердо заявила мисс Терборг, – очень интересовался Христом.

«Через любую пропасть, – подумал Готт, – всегда можно перебросить мостик».

– А вы пишете романы? – поинтересовалась мисс Терборг.

Герцогиня инстинктивно пришла ему на выручку:

– И я решила, что у нас должны быть пожарные. Джайлз, в елизаветинских театрах были пожарные?

– Там случались пожары, – осторожно ответил Готт.

– Ну, я договорилась, что из Кингс-Хортоня придут трое пожарных, и обязательно в касках. Они встанут у каждой двери рядом с лакеями.

– Анна, – раздался с другого конца стола визгливый голос Макса Коупа, – а о филерете договорилась? Тебе не кажется, что филер...

– Филер, Макс!

– То есть все ведь придут при драгоценностях, так? К тому же разношерстная толпа. У нас уже здесь очень странные...

– Рыбы, сэр? – произнес Бэгот, оставив бутылки и нарочито бестактно нарушив молчание.

Все в Скамнуме знали, что за престарелым мистером Коупом нужен глаз да глаз. Он почти что выжил из ума: если в нем что-то и осталось, так это умение рисовать. Его тут же с обеих сторон взяли под опеку миссис Терборг и Джервейс Криспин и не отпускали до конца ужина.

Лорд Олдирих разговаривал с темнокожим с той мрачной почтительностью, с которой английский раджа приветствовал бы восточного гостя в сердце империи. Тимоти Такер развлекал Элизабет забавными случаями из жизни знакомого издателя.

– Но особенно смешно у Спандрела вышло с некой Мачмосс. Слыхали о такой? Эта милая старушка жила в Девоне и много лет назад прислала ему рукопись под названием «Семьи в западных графствах, которые я знала». У Спандрела острый нюх, и он учуял, что тут пахнет романами, а не семейными байками. Разумеется, он сделал ей имя. Эта милая старушка мало что понимала в искусстве извлечения выгоды буквально из пустого места, но при этом очень скоро талант Мачмосс в средних графствах оценили достаточно высоко. Через пару лет Спандрел уже основал платную школу, в которой обучал женщин искусству литературоведения и сочинительства. Его ученицы были отнюдь не старушками, но милая Мачмосс принимала их радушно, и они платили ей искренней благодарностью. Мачмосс помогала им развивать способности, и дела у Спандрела пошли на лад. И все бы хорошо, но в один прекрасный день Мачмосс отдала богу душу. Причем совершилось это как-то очень уж быстро и, так сказать, не к месту, когда школа еще не набрала сил и не могла функционировать на полную мощь. Это озадачило Спандрела и поначалу буквально поставило в тупик. Но затем на него нашло озарение. По его словам, получилось это вот как. Он прогуливался по парку. И неожиданно ему пришло в голову, что Мачмосс до сих пор продолжает участвовать в жизни школы, но только уже сверху, с небес. Он решил устроить спиритический сеанс, и...

Готт вдруг заметил, что разговор Ноэля с мисс Терборг-второй протекает на удивление туго. Беседа явно достигла той безысходной фазы, когда бросаешь реплику за репликой в глухой и безмолвный колодец. И тут одна из реплик произвела совершенно неожиданный эффект. Мисс Терборг-вторая громко вскрикнула.

Разговоры о литературной деятельности призрака Мачмосс, вежливые расспросы лорда Олдириха о йогах и гуру и прочая болтовня тотчас смолкли. Все недоверчиво посмот-

рели на Ноэля – особенно Джервейс, который вдруг решил, что тот рассказал невинной девушке анекдот, услышанный им чуть раньше от самого Джервейса в бильярдной.

Ноэль смущенно рассыпался в извинениях перед своей дамой и всеми присутствующими:

– Ужасно извиняюсь, не думал, что кто-то испугается, это просто история...

– История! – мрачно повторил Джервейс.

– Просто история о Черной Руке, знаете ли.

Мисс Терборг-вторая возбужденно прижала руку к плоской груди.

– Так глупо с моей стороны. Прошу прощения, герцогиня, но я с детства пугаюсь, слыша о тайных обществах и прочем... Черная Рука!

Герцог несколько сурово посмотрел на своего юного родича.

– Что за выходки, Ноэль?

– Ничего такого, сэра. Дурацкая шутка... Элизабет видела... какое-то письмо с угрозой. Думал, посмеемся. Ужасно извиняюсь, что расстроил мисс Бертог... то есть Терборг...

Это никак не походило на учтивые шутки, которые Ноэль надеялся в будущем отпустить на ужинах в европейских посольствах. Элизабет взяла на себя труд все объяснить:

– Несколько машинописных строк, которые Ноэль получил по почте. Цитата из Шекспира, что-то о мести.

Раздался недоуменный гул голосов. Готт взглянул на лорда Олдири, но лорд-канцлер ничего не сказал. Скорее всего он не намеревался объявлять, что с ним сыграли такую же шутку. Чутье политика подсказывало ему молчать даже о глупой выходке. Однако другой политик реагировал совсем по-иному. Джервейс Криспин с жаром откликнулся на слова Элизабет:

– Месть! Вот странно. На днях я получил то же самое.

Все присутствующие с любопытством смотрели на него.

– Да. Перед самым отъездом сюда мне в палату общин пришла телеграмма. Всего два слова.

На сей раз лорд Олдири заговорил:

– Два слова?

– «Гамлет, отомсти!»

– Любопытная штука, эти послания, – сказал герцог, когда мужчины остались одни. – Кто бы мог сыграть такую шутку? – Лениво-добродушным взглядом он обвел своих гостей. Прямо-таки антипод Клавдия, короля Датского, подумал Готт. – Очень забавно.

– Очень плохо! – вдруг с жаром воскликнул темнокожий. Это было первое, что он сказал не с глазу на глаз, так что все удивленно посмотрели на него. – Это страшно, когда насылают проклятие!

– Не знаю, как насчет проклятия, – непринужденно ответил Тимоти Такер, – но мне кажется, что мы имеем дело с розыгрышем, причем довольно глупым. Весьма странно, что образованный человек, знающий Шекспира, опустил до такой нелепицы.

– Странно то, что люди по-своему знают Шекспира, – заметил герцог. – Например, нынче утром мне стало известно, что Макдональд, мой старший садовник, знает своего Шекспира вдоль и поперек.

– Макдональд, – скинулся лорд Олдири. – Мистер Готт, это Макдональда мы встретили, когда подъезжали?

Готт рассеянно кивнул.

– Здесь дело не только в знании Шекспира, – произнес он.

Тут Макс Коуп, который, казалось, мирно дремал в кресле, вдруг визгливо спросил:

– Это ведь загадка «найди торговку устрицами», так?

После этого, обедая стол хитрым взглядом, он разразился старческим хихиканьем. Насколько мог судить Готт, оно привело в недоумение всех, кроме лорда Олдирина. Однако никто и не думал спрашивать престарелого живописца. Макс снова задремал.

– Коуп имел в виду, – пояснил Готт, – что слова в телеграмме Криспина «Гамлет, отомсти!» не имеют, как вы помните, к пьесе Шекспира никакого отношения. Это, возможно, строчка из какой-то ранней пьесы, в настоящее время утерянной. Впервые она появилась в 1596 году как шутка в книге Лоджа «Черный юмор». Там есть упоминание о призраке, который жалобно крикнул в театре, наподобие торговки устрицами: «Гамлет, отомсти!» Из этого не следует, что наш шутник – эрудированный субъект, однако похоже на то, что он покопался в антикварных изданиях.

Закончив свои объяснения, Готт с любопытством посмотрел на Мелвилла Клея. Он подумал, что упоминание торговки устрицами не должно было привести Клея в замешательство: в последние несколько дней он продемонстрировал довольно глубокое знание елизаветинской драмы и того, что с ней связано. Но Клэй развеял все его сомнения.

– Конечно! – с жаром воскликнул он. – Совсем забыл. Есть еще и другие упоминания. Это была довольно распространенная шутка.

Готт кивнул:

– Да. Но это не очень-то помогает нам вычислить шутника. А откуда пришли эти послания?

– Мое опустили в ящик нынче утром в Уэст-Энде.

Возникла пауза, во время которой все взоры обратились к Джервейсу Криспину. Однако тот молчал, пока его напрямую не спросил сам герцог. Даже тогда он произнес с большой неохотой:

– Мою телеграмму послали из Скамнум-Дуциса.

Тут всем вдруг стало ясно, что досужие разговоры о посланиях начинают выходить за пределы приличий. Все проявили к ним живейший интерес, кроме Пайпера, который не увидел там ничего, что можно вставить в роман. Казалось, даже Макс Коуп следил за беседой, открыв один глаз. Но все в равной мере знали, что пора переменить тему. Герцог встал и, взяв под руку Макса Коупа, повел всех в гостиную.

Ожидалось прибытие новых гостей, и труппа держалась вместе, чтобы приветствовать их. Герцогиня решила поставить всех в круг и начать общее обсуждение пьесы. Какое-то время оно касалось практической стороны: костюмов, грима, завтрашних репетиций. Затем перешли к историческому аспекту, и говорить пришлось «специалистам»: Готту, чувствующавшему некоторую неловкость, лорду Олдиру, обладавшему поверхностными знаниями обо всем, Мелвиллу Клэю, досконально изучившему всех известных Гамлетов, и герцогине, с головой погружившейся в изучение предмета. Упоминалось многое: автоматически опрокидывавшийся табурет Гаррика в начале сцены в чулане, постановка на борту «Дракона» в Сьерра-Леоне в 1607 году, госпожа Сиддонс и другие женщины-Гамлеты, традиционное мнение, что сам Шекспир лучше всего играл роль тени отца Гамлета. Миссис Терборг с потрясающей точностью рассказала о знаменитом выступлении Уолтера Хэмпдена в роли Гамлета в 1918 году в Нью-Йорке. Элизабет вспомнила, как Пепис однажды целый день учил наизусть «Быть или не быть». И тут герцогиня воспользовалась выпавшим ей шансом. Она тотчас уговорила Клэя выступить в роли мистера Пеписа и прочесть монолог, обращенный к миссис Пепис. Все, что Анна Диллон когда-то заставляла неизвестных молодых людей проделывать в Хэмпстеде, она без колебаний навязывала знаменитостям в Скамнуме.

Для актера нет ничего более трудного, чем импровизировать в гостиную, даже если там сидят его благосклонные почитатели. Однако Клэй и виду не подал, что это его раздражает: непростая задача тут же увлекла его. С полминуты он стоял, нахмутив брови, и вдруг в комнате оказался Пепис. А Готт, бывший невысокого мнения об актерах, почувство-

вал, что двухминутная – не больше – яркая вспышка таланта представляла собой одно из прекраснейших зрелищ, когда-либо виденных им. Каждый мог иметь свое представление о Пеписе и о Гамлете, однако столь тонкое и убедительное представление Пеписа в роли Гамлета стало пусть крохотным, но истинным сценическим триумфом. Оглядев комнату, огласившуюся восторженными восклицаниями, Готт заметил, как сузились смотревшие на Клэя глаза лорда Олдиерна, словно тот увидел что-то ужасное. Он заметил, что Чарлз Пайпер напряженно размышляет, как размышляет каждый писатель, увидев нечто необыкновенное. Общее настроение передалось даже престарелому Максу Коупу: живописец покрывал от удовольствия. Только интеллигентный индиец выглядел по-интеллигентски смущенно. Благодаря навязанной его стране странной системе образования он, безусловно, изучал и «Гамлета» Шекспира, и «Дневники» Пеписа. Но это внезапное преображение лежало за пределами его понимания.

Для герцогини это стало отправной точкой, чтобы перейти к другой теме. Теперь она обратилась к предмету, который часто обсуждала с Клэем: Гамлет в исполнении Дэвида Гаррика, и в особенности его первая встреча с тенью отца. Она процитировала двустишие:

Он в роль входил естественно —
все было ловко, точно, споро,
Как будто, лишь сойдя со сцены,
он начинал игру актера.

– Да, но в любом случае это было ненатурально. Ясно же, что он проделывал все слишком медленно, театрально, если угодно. Так писала «Сент-Джеймс хроникл», даже Лихтенберг так говорил, а уж он знал свое дело.

Вот человек, подумал Готт, который может без тени смущения говорить о тонкостях своей профессии в любой компании. Все заинтересовались.

– Гаррик же преувеличенно подчеркивал видимый ужас. Такого мнения придерживался Джонсон, да и Филдинг тоже.

– Похоже, что вы воочию видите это, – обронила герцогиня.

А Клэй и впрямь словно видел все воочию. Он все еще стоял, опять нахмутив брови, и смотрел на Дэвида Гаррика на сцене «Друри-Лейн» почти двести лет назад.

– Плащ и большая шляпа, – тихо произнес он. – Вот на чем все строилось.

В то же мгновение Ноэль выскочил из комнаты и сразу вернулся с широким плащом и мягкой черной шляпой. Такие шляпы с чудовищно широкими полями обожают носить студенты – поклонники муз.

– Шляпа уже не та, что раньше, – веселым голосом объяснил он. – В свое время мы с ней искупались в фонтане колледжа Святого Антония. Но может и подойти.

Клэй сразу взял у него плащ и накинул его. Затем он небрежно водрузил на голову шляпу. Готт ощутил некую неловкость и угадал ее в других. Перед ними предстала совершенно гротескная фигура: мужчина в изящном вечернем наряде, оттеняемом черно-алым плащом щеголя двадцатого века, собиравшийся превратить элегантно убранную гостиную с полотнами Уистлера, Диллона и Коупа и с вазами эпохи Мин и Тан в стены замка Эльсинор. Но Клэй, взглянув на освещение, подошел к двери и защелкал выключателями, чтобы достигнуть нужного эффекта: получить приглушенный свет в дальнем углу темной комнаты.

– Горацио! – весело воскликнул он. – Вспомни свои строки!

С этими словами он встал посреди неяркого круга света.

После этого Клэй спокойно, без всякого напускного драматизма, словно декламирующий с кафедры учитель, прочел строки Гамлета, перемежающиеся доносящимся до стен шумом веселья:

Король всю ночь гуляет напролет,
Шумит и пьет, и мчится в быстром танце.
Едва осушит он бокал рейнвейна,
Как слышен гром и пушек, и литавр,
Гремящих в честь победы...¹

Затем из глубины небольшой аудитории послушно откликнулся голос Пайпера-Горацио:

Обычай это?

Клэй повернулся чуть в сторону и улыбнулся – все тот же Мелвилл Клэй, декламировавший Шекспира в небольшой гостиной Скамнума:

Да, конечно, так.
И я к нему, как здешний уроженец,
Хоть и привык, однако же по мне
Забыть его гораздо благородней,
чем сохранить.

С этими словами Клэй незаметно исчез, словно на монтажном стыке киноплёнки, а вместо него появился Гамлет Дэвида Гаррика. В круге света будто наступил восемнадцатый век, и все ощутили это благодаря тонкому мастерству актёра. Готт, восхищенно наблюдавший игру, услышал, как сидевший рядом с ним Банни изумленно ахнул, услышав гласные и согласные, словно шагнувшие из 1750 года. Сложные и трудные речевые обороты, погружавшие слушателя в некий полумрак, сопровождались сгущавшейся темнотой. Поворот плеча – и нижняя часть лица скрылась из виду. Наклон головы – и поля шляпы спрятали глаза. На какое-то мгновение остались видны лишь нос и рот, затем тьма скрыла все, кроме выразительно двигавшихся рук. А голос продолжал:

Его осудят,
За то, что в нем одно пятно,
Хоть будь оно клеймо слепой природы.

Исчезла одна рука, затем другая: голос смолк во тьме, отвечающей темноте, растворившись в непроглядной мгле последних строк:

Как добродетель
С безмерно благородною душой.
Пылинка зла уничтожает благо.

Плащ зловеще окутывал неподвижную фигуру. Воцарилось молчание. Готт вдруг подумал, что во время этой паузы мисс Терборг-вторая может снова закричать. Затем Пайпер воскликнул:

– Смотрите, принц, он снова к нам идет!

¹ Здесь и далее цитаты из «Гамлета» приводятся в переводе А. Кронеберга.

В тот момент никто не сомневался, что явилась тень отца Гамлета. С проворством гимнаста Клэй сделал поворот вокруг себя и замер в чисто театральной, но все же наводящей ужас позе. Шляпа упала на пол, плащ завернулся назад. Клэй стоял, широко расставив ноги, отведя в сторону и вверх левую руку, а правую склонив вниз и широко разведя пальцы. Вся эта дрожащая фигура полностью соответствовала застывшей на лице маске неподдельного ужаса. В воцарившейся тишине медленно текли секунды. Затем на выдохе голос произнес:

– Спасите нас, о неба серафимы!

За этим с потрясающей быстротой последовал мелодичный смех Мелвилла Клэя. Включился свет. Актер с какой-то насмешливой методичностью разглаживал помявшуюся шляпу Ноэля. Он и бровью не повел.

– У Гаррика, – произнес он, – конечно, получалось лучше. Но общий замысел примерно такой.

Готт оглядел комнату. Лорд Олдири куда-то исчез. Почти все находились в состоянии некоего «сценического шока»: кратковременный натиск великолепного актерского мастерства и внезапное возвращение к реальности повергли публику в некое оцепенение. Герцог разрядил обстановку:

– Знаете, будь я тенью, я бы испугался куда больше!

После этого находившиеся в гостиной окончательно пришли в себя: посыпались поздравления, и началось оживленное обсуждение.

И все же Готт чувствовал повисшее в воздухе напряжение. Элизабет выглядела чем-то озабоченной. Герцогиня с особым жаром погрузилась в дискуссию. Герцог снова принялся играть столь привычную ему роль шутника. Все почувствовали явное облегчение, когда с подъездной дорожки раздался шум машин, возвещавший о прибытии гостей.

Половина одиннадцатого вечера – не совсем подходящее время для прибытия на долгие выходные. Объяснения, безусловно раньше изложенные письменно, теперь повторялись лично. Лорд и леди Траэри давали один из своих колониальных приемов: в этом году их много как никогда! Сэр Ричард Нейв читал лекцию в Обществе по улучшению отношений полов на тему «Психологический базис материнских сообществ». Профессор Маллох принимал устные экзамены в своем родном Абердине. Супруги Марриэт надеялись, что столь ранний отъезд на неделю из Лондона станет событием, однако обстоятельства сложились так, что они могли вырваться лишь на пять дней. Томми Поттс объяснял, что в Уайтхолле нынче работаешь как негр, будто ты человек второго сорта. Памела Хогг садилась на полуденный поезд, открыв страшную тайну об Армагеддоне – нечто смутное и даже тревожное, пока не узнаешь, что речь там идет о лошади. Миссис Платт-Хантер выступала в Альберт-холле против чего-то дурного и возмутительного. Не вполне благочестиво выглядевший банкир громко жаловался, что пропустил обедню – как выяснилось, на линии Париж – Кройдон, – и на то, что не смог прочесть продолжение романа во время чрезвычайно утомительного путешествия сушей и морем. Блестящая дама в полном вечернем туалете объявила, что прибыла прямо с похорон своей престарелой гувернантки. Приземистый и толстый парламентарий, не имевший понятия о пятне губной помады у себя на лысине, бормотал что-то невнятное о комитетах.

подавали сандвичи, виски и горячие напитки, как после танцев. В небольшой гостиной толпилось с три десятка людей, и все они смеялись, болтали, вскрикивали и беспорядочно двигались.

«Неужели это и есть то, – подумал Готт, – что Элизабет назвала праздником варваров? Или это действительно общество воспитанных людей, имеющих общие вкусы, мнения, суждения и понятия, перед которыми можно уверенно и непринужденно разыграть сложную постановку? Вправду ли лорд-канцлер Англии и Памела Хогг принадлежат к одному кругу,

достаточно прочному и однородному, чтобы первый из них сыграл Полония для другой? Или же герцогиня выдумала это общество, привнеся его из романов своего детства, и вся затея обернется наигранным фарсом? Что лорд Олдири думает об этом хаотически растущем сборище?»

Но лорда Олдири по-прежнему не было видно.

Готт вежливо отделался от миссис Платт-Хантер, пожелавшей, чтобы он подписал заявление или петицию к правительству Бразилии. Он увернулся от профессора Маллоха, приближавшегося к нему с явным намерением поговорить о Шекспире. Он увильнул от сэра Ричарда Нейва, пустившегося в банальные рассуждения о вымышленности личности Христа, и выскользнул на террасу. Блеклый лунный свет заливал сады, где-то внизу сверкая на водной глади, высвечивая складки местности и оттеняя неясный силуэт холма Хортон-Хилл. Сквозь открытые окна доносился гомон голосов. Готт в поисках тишины прошел по широким ступеням на нижнюю террасу. Он остановился там, где на длинной балюстраде виднелись смутные очертания огромной мраморной статуи – вероятно, Геркулеса эпохи Генриха Восьмого, – и стал смотреть на лежавшие внизу холмы. Эта пьеса не давала ему покоя.

Да, в воздухе действительно висело какое-то напряжение, и его надо было разрядить, чтобы избежать катастрофы. Теперь он чувствовал, что причина этого напряжения заключалась в этих дурацких таинственных посланиях. Начать хотя бы с того, что вся эта затея с постановкой «Гамлета» являлась несколько надуманной – прихотью, навязанной Скамнуму, нежели чем-то для него естественным. Он сам достаточно часто бывал в Скамнуме, однако это случалось до того, как он стал выступать здесь в роли ученого и знатока средневековых текстов. Разговоры в гостиной герцогини о воссоздании елизаветинского театра вызывали у него беспокойство. Он чувствовал себя неловко, словно член Королевского научного общества, которого попросили подробно рассказать об атомах и электронах. Несколько веков назад подобные вещи сочли бы уместными, когда Фулк Гревилл и Джордано Бруно спорили о теории Коперника в гостиных елизаветинского Лондона. Или когда благородное семейство Бриджуотер обсуждало возвышенный стиль и риторику «Комуса» Мильтона в замке Ладлоу. Однако теперь актерство становилось семейным занятием, а театральность при этом оставалась театральностью, и общее мнение о них современного, кидającegoся из крайности в крайность общества выразил сэр Томас Бертрам, когда прекратил подобную несурезицу в романе «Мэнсфилд-Парк».

Досуг как таковой исчез. Из всех собравшихся здесь наиболее способные были поглощены становившимся с каждым днем все труднее делом управления Британской империей и соблюдения равновесия в Европе. Остальные же не столько наслаждались досугом, сколько бездельничали «в поте лица»: рассуждали об Армагеддоне или переживали по поводу демонстраций в Бразилии. В общем и целом, постановка «Гамлета» в Скамнум-Корте, как бы серьезно к ней ни относились главные исполнители, должна была состояться в довольно напряженной атмосфере. Верно, что герцогиня самым тщательным образом отсеяла кандидатов на роли. Такер, Пайпер, американки, столь органично и живо сошедшие со страниц романов Генри Джеймса, – все они весьма неплохо вписывались в Скамнум. Или же в образ Скамнума, который пыталась подчеркнуть герцогиня. И тут Готт пришел к мнению, что дело, в конце концов, обстояло не столько в людях, сколько в месте. За свои сравнительно недолгих двести лет это огромное поместье успело обрасти традициями. Но вовсе не традиции органично сочетаются с эксцентричностью, несмотря на либеральные претензии принимать все интересное и забавное. Как все постройки хмуро смотрели на готический зал Питера Крипина, так и самый дух вотчины неодобрительно взирал на пьесу, которую собирались здесь ставить. Этим и объяснялся эффект, который загадочные послания произвели на гостей: они намекали на скрытое присутствие чего-то недоброго. Оно породило подсознательное ощущение того, что вся затея с постановкой являлась неуместной. И эту неумест-

ность все ощутили вновь, когда Мелвилл Клэй проделывал свои восхитительные трюки в гостиной.

Готт опустил руку в карман смокинга, ища портсигар, и наткнулся на гранку программы, которую раздадут публике в понедельник вечером. «Режиссер-постановщик – Джайлз Готт, магистр гуманитарных наук, член Британской академии, преподаватель елизаветинской драмы, профессор колледжа Святого Антония». Остальных титуловали короче: напротив Клавдия стояло «Эдвард Криспин», а напротив лорд-канцлера Англии в роли Полония – просто «Йэн Стюарт», каким его когда-то давно знали в Хэмпстеде. Однако с режиссером герцогиня – несомненно, памятуя об эффекте – явно переборщила. Тут Готт вспомнил несколько ироничный взгляд профессора Маллоха в гостиной. Он с головой ушел в постановку, и она должна состояться.

Обдумывая детали, он снова поднялся на верхнюю террасу в восточной оконечности главного здания. Там находилась колоннада, вечером и ночью освещаемая длинным рядом прикрепленных к карнизу ламп. В их свете Готт заметил лорд-канцлера. И тут он вдруг понял, что все его размышления и сиюминутные сомнения вмиг утратили свою «вселенскую» значимость.

Лорд Олдирн задумчиво расхаживал взад-вперед какой-то странной шаткой походкой, свидетельствующей не только о его преклонных годах. Он и впрямь казался очень старым, словно прибавил десять лет с того момента, как весело болтал за ужином с хозяйкой. В руке он держал бумагу, похожую на официальный документ. Его лицо выражало сосредоточенность и серьезность, свойственные ученым мужам или государственным деятелям в момент напряженных раздумий. Готт долго смотрел на него, после чего повернулся и направился туда, откуда пришел.

3

Оглядываясь на дни, непосредственно предшествовавшие постановке, Готт воспринимал их – несмотря на сопровождавшую их повседневную суету – как некий «разгул» разговоров. Серьезных, несерьезных, праздных, относящихся к «Гамлету» и не относящихся к нему, общих и с глазу на глаз, продолжительных и отрывочных – разговоров по любому поводу и без. Большинство из них забывались на следующий день. Однако вскоре обстоятельства заставили Готта вытаскивать их разрозненные отрывки из глубин забвения, просеивать и анализировать так, как он не делал никогда раньше.

Утро субботы началось со встречи с Чарлзом Пайпером в их общей ванной.

– Обычно, – начал Пайпер, открывая краны, – после горячей ванны у меня получается написать от пятисот до восьмисот слов.

– А у меня, – ответил Готт, неосторожно выступив в роли собрата по перу, – вдохновение случается после бренди и оладий.

– Действительно... оладий? Вот уж не слышал. – Пайпер смотрел на Готта, словно на экспонат в музее Виктории и Альберта. – А что побудило вас писать детективы? – с вежливым интересом спросил он.

– Моральные соображения. Попытка несколькими часами развлечения искупить многие часы скуки.

После секундного размышления Пайпер мысленно положил этот ответ на одну из полочек: «Увиливание», «Неудачная шутка» или «Академическая психология». После этого он продолжил «допрос».

– Не кажется ли вам, – торжественно спросил он, – что собственно беллетристика и повествовательная мелодрама суть абсолютно разные жанры?

– Сомневаюсь, что между ними существует абсолютная грань. Диккенс использовал некий гибрид романа и мелодрамы – и весьма успешно. – Готт прервался, чтобы включить душ. – Разумеется, в беллетристике повсеместно используются кисти потоньше. Там избегают ярлыков, кроме тех случаев, когда они функционально необходимы: горячо, холодно. Мелодрама основывается на больших и заметных ярлыках: коврик у ванны. Никакой аристократической сдержанности.

С этими словами Готт указал на некрашенный пробковый прямоугольник у своих ног. Пайпер, снова взяв паузу для некой маркировки, перешел от вопросов к утверждениям:

– Я думаю, что они происходят из различных отделов мозга. Беллетристика исходит из того, что называется «воображением». Мелодрама исходит из «прихоти». Это некое бурление примитивных инстинктов, праздник подсознательного, фантазия.

– По-моему, вот концепция романа, – сказал Готт, простодушно-восхищенно посмотрев на Пайпера. Однако тот, чуть помешкав, чтобы черкнуть «ирония» в невидимом блокноте, развил свою мысль.

– Я вижу разницу между своей жизнью наяву и во сне. Жизнь наяву посвящена образному «сочинительству», где главную роль играют ценности. Но в моих снах, как и в мелодраме, ценностей очень мало. Там все на уровне выживания. Нападение и бегство, охота, заманивание и хитрость. Постоянное осознание физических действий и материальных объектов как неких элементов поединка. И разумеется, неотступное чувство неизвестности и таинственности, сопровождающее сны. Если бы я писал мелодрамы, я брал бы их из снов.

– А что же «Гамлет», шекспировская драма, основанная на примитивной интриге? Является ли она примером сочетания мелодраматического и образного сочинительства?

Пайпер задумался.

– Возможно, – сказал он, – в данном случае это неприменимо. Взятый Шекспиром мелодраматический материал мог быть не столь впечатляющим...

Но тут началась тема, на которую Готт ежегодно проводил несколько десятков утомительных обсуждений с несколькими десятками более или менее прилежных студентов. Слушая ремарки Пайпера, он вдруг почувствовал себя виноватым – как в похожих обстоятельствах чувствовал себя великий лексикограф Сэмюель Джонсон, – что отвлекся и думал о мальчишке-с-пальчик.

– ...И я считаю это неотразимым, – произнес Пайпер.

Готт понимающе кивнул:

– Неотразимым.

Однако Пайпер не поддался обману. Он сделал невидимую пометку «профессорская исключительность, не прислушивается к чужому мнению» и терпеливо начал сначала:

– Возможно, я подавляю в себе мелодраматические стремления: начнем с того, что я их не ощущаю. Но они готовы забурлить. И если они не проникнут в мои произведения, они, полагаю, проникнут в мою жизнь. Если мне встретится некое королевство Руритания с приключениями в стиле «плаща и кинжала», я воспользуюсь этой идеей. И, как я уже говорил, в реальной жизни я нахожу ваше творчество – хитроумное избавление от трупа и так далее – просто неотразимым. – Пайпер поправил большие очки в роговой оправе, через которые он обычно наблюдал мир. – Таким же неотразимым, – смущенно добавил он, – как прекрасная и желанная женщина. – Он распахнул окно ванной. – Вы делаете дыхательную гимнастику? Я – каждый день.

Весьма возможно, как сказал герцог, что его матушка все же явится из дамских апартаментов, чтобы посмотреть постановку. Диана Сэндис, сидевшая возле Анны Меркаловой, заметила, что вдовствующая герцогиня – очень строгая дама. Пайпер сделал пометку «все девушки к двадцати годам начинают активно искать партнера», Ноэль с упреком посмотрел на Диану, Элизабет задумчиво поглядела на Готта. Банни, окруженный блюдами, неизменно подаваемыми к завтраку в Америке, тотчас проявил интерес.

– Сколько ей лет? – спросил он герцога.

– Что?.. Девяносто четыре.

Банни вытаращил глаза:

– Но она еще бодрая?

– Исключительно.

– Не... глухая, случайно?

Миссис Терборг сурово взирала на своего соотечественника поверх чашки с кофе. Герцог ответил, что его матушка, разумеется, не оглохла, однако добавил, что теперь она живет в почти ничем не нарушаемом уединении. Банни как-то загадочно кивнул.

– Вот это самое главное! – заявил он. – Вы думаете, она согласится помочь? Девяносто четыре года и живет вдали от мира. Видите, как это важно?

Он почти умоляюще посмотрел на герцога.

– У вашей матушки, возможно, нет изменений.

– Нет изменений?!

– Поздних языковых изменений.

Банни что-то быстро посчитал в уме.

– Полагаю, – сказал он, задумчиво глядя на Тимоти Такера, – что она наверняка помнит самые старинные слова и выражения. – Он перевел взгляд на мистера Боуза. Его глаза вдруг засверкали. – Возможно, она даже произнесет что-то такое, что мы давно уже забыли! Будет большой удачей услышать нечто подобное...

Завтрак в Скамнуме был в самом разгаре. За большими столами сидели человек двадцать. Еще трое или четверо опустошали тарелки с горячим. Однако Банни удалось привлечь внимание всех гостей. Увидев, что его заметили, он развил тему.

– Ваш дворецкий, – говорил он герцогу, – интересный, интереснейший человек. Он, как вы знаете, родился в Беркшире, как и его родители. Но почти наверняка его фамильные корни в Кенте. Есть некоторые безударные гласные... – Как только интерес к Банни начал исчерпываться, ему удалось снова подогреть его: – Вчера вечером Бэгот согласился помочь мне. Я попросил его прочитать «Отче наш».

Герцог удивленно возрился на своего гостя:

– Попросили Бэгота прочитать «Отче наш»! Право же, доктор Банни, вам надо познакомиться с моим садовником, Макдональдом. Это будет интересно вам обоим.

– «Отче наш», – подтвердил Банни, с улыбкой оглядывая стол. – Там есть интересные сочетания речевых элементов. Бэгот любезно согласился помочь, и вот результат.

Нагнувшись под стол, Банни достал черный ящичек и щелкнул выключателем. Все за столом смолкли в напряженном ожидании. Затем черный ящичек заговорил высоким фальцетом.

– Я не крикну: «Гамлет, отомсти», – произнес прибор.

Наступила неловкая пауза, после чего с другого конца стола кто-то сухо заметил:

– Незнакомая версия, сударь мой.

Это оказался сэр Ричард Нейв.

– Кентская или беркширская, доктор Банни?

На сей раз это был профессор Маллох. Оба прибыли после того, как открылись таинственные послания.

Банни уставился на свой прибор так же, как Валаам мог взирать на свою ослицу. Ноэль взял на себя труд просветить вновь прибывших:

– Если мисс Терборг возьмет себя в руки, я объясню. Это Черная Рука. Он поработал вчера, и вот он снова здесь. Только похоже, что он передумал. На самом деле он сменил тактику или начал все заново. Он не крикнет: «Гамлет, отомсти».

– Интересно, а почему это он передумал? – с видом знатока подхватила миссис Терборг. Безусловно, предыдущим вечером она, как и Готт, поняла, что Черная Рука вносила общую сумятицу. Теперь она увидела преимущества того, что этот предмет стоит рассмотреть с точки зрения эксцентричности.

– Полагаю, Черным Рукам следует проводить более последовательную политику, если они хотят произвести впечатление. А доктор Банни, кажется, остался безучастным.

– Как приятно думать, – быстро продолжила мисс Терборг-первая, – что даже если мы не установим личность Черной Руки, доктор Банни сможет определить, откуда родом его дедушка и бабушка.

– А мне кажется, что это просто жутко, – сказала мисс Терборг-вторая.

Готт, Ноэль, Нейв и Маллох вместе отправились в банкетный зал. Рядом с Маллохом Ноэль чувствовал себя не в своей тарелке. Его журнал под названием «Тигель» обычно не очень интересовался учеными мужами. Он вполне довольствовался тем, что скрывал их за собирательными фигурами некоего профессора Вабба и его ассистентов, доктора Джим-Джима и мистера Джо-Джо. Однако журнал уделил внимание профессору Маллоху, он даже поместил рецензию на его исследование «Гамлета», названное «Демонстрация насилия». И Маллох написал короткий сухой ответ. Теперь, столкнувшись с Маллохом как с гостем Скамнума, Ноэль склонялся к тому, что ответ являлся своего рода комплиментом. В свое время он казался неким стимулом: профессор Маллох и профессор Вабб причудливо и абсурдно переплетались в нескольких абзацах редакционной статьи «Тигля». Ноэль недавно перечитал ее

перед сном, и хотя она все еще казалась смешной – редакционные материалы Ноэля были гораздо веселее творений его авторов, – она в то же время поразила его своим явным ребячеством. И вот Маллох предстал перед ним во плоти: сухой, вежливый, невероятно начитанный и скорее всего постоянно и критически читавший «Тигель» от корки до корки. Ноэль чувствовал себя очень неловко.

– А эта история, – говорил Маллох, – о детях-гидроцефалах на похоронах девочки, привыкшей мучить кошек! Интересно, автор с врачом консультировался?

– Полагаю, он немного не в себе, – натянуто ответил Ноэль.

– Да-да. Я имел в виду консультацию касательно правдоподобности истории. Нейв, вы читаете журнал мистера Гилби? Там есть история о детях-гидроцефалах...

После этого Маллох попытался заручиться поддержкой врача в деле научного опровержения медицинской базы последнего шедевра «Тигля». Да уж, он был невероятно начитан. Казалось, он знал об этом больше, чем сам Нейв. Вот так всегда. Накопят огромные запасы информации – и у них всегда наготове факты, чтобы бросить ими в тебя. Тем временем всегдашняя вежливость Криспинов возобладали. Он учтиво перевел разговор на висевшее на стене великолепное полотно Фантен-Латура. После этого Маллох высказал несколько глубокомысленных замечаний о художнике.

Готт начал разговор с Нейвом на другую околomedicalную тему:

– Вы обратили внимание на близняшек-американок? Их совершенно невозможно отличить друг от друга – пока они не начнут говорить. Ванесса на удивление умна, а Стелла почти пустышка. Вот ведь странно, а?

Нейв кивнул.

– Именно так. Они полностью идентичны, – он подыскал научный термин, – однойцевые близнецы. Это значит, что у них одинаковая генная структура. Если они разительно отличаются по интеллектуальному развитию, то это чрезвычайно интересно с точки зрения психологии, поскольку разница скорее всего обусловлена воспитанием или окружающей средой. Надо будет с ними поговорить.

Психолог живо заинтересовался этим явлением. Но Готт видел его со своей колокольни.

– Они совершенно неотличимы по виду, но окажутся ли они таковыми, так сказать, микроскопически? Например, по отпечаткам пальцев?

Нейв, который скорее всего не знал о хобби Готта, слегка удивился.

– Не уверен. Но надо думать...

В их разговор вступил Маллох, шедший рядом с Ноэлем:

– Галтон исследовал отпечатки пальцев однойцевых близнецов. Он обнаружил, что хотя они очень похожи, но все же разнятся.

Готт отказался от интересной гипотезы. Ноэль, трусивший позади непобедимого Маллоха, едва не застонал. У входа в зал он чуть не налетел на мощную фигуру миссис Платт-Хантер.

Готт немного занервничал: специалисты должны были в первый раз осмотреть построенную по его указаниям сцену.

– Ага, – произнес Маллох, – Фортуна.

– Да. Поскольку зал прямоугольный, я подумал, что лучше всего взять за образец Фортуну.

Маллох засомневался:

– Я бы предпочел взять Лебеда. Что бы там ни говорили о достоверности рисунка Де Витта...

Два специалиста занялись вежливой пикировкой о деталях. Тем временем раздался негодующий визг миссис Платт-Хантер:

– Но здесь же нет занавеса!

Ноэль осклабился:

– Занавес есть – маленький, вон там, сзади.

Он с явным удовольствием принял менторский тон своего прежнего наставника и веско продолжил:

– Следует помнить, что в елизаветинские времена театральные труппы играли пьесы во дворах лондонских таверн...

– В паблик-хаусах?! – воскликнула миссис Платт-Хантер. – Совсем неподходящее место!

– Именно так считали пуритане. Они писали по этому поводу протесты и петиции, которые могут показаться вам интересными с точки зрения реалий. Так вот, актеры просто возводили помост на заднем дворе и играли прямо на нем. Состоятельная публика сидела на галереях или же смотрела из окон таверны...

– Или же сидела прямо на помосте, – добавил Нейв, покинувший ученых мужей.

– Или же сидела на помосте на трехногих табуретках рядом с актерами, – согласился

Ноэль. – Самые смелые сплевывали жевательный табак и кричали: «Плохо! Плохо!»

– Отвратительно, – заявила миссис Платт-Хантер.

– А простолюдины стояли прямо на земле вокруг помоста. Их называли «земляными».

– Почему? – недоуменно спросила миссис Платт-Хантер.

– Очевидно, потому, что они стояли на земле. Их еще иногда называли «низовыми».

– «Низовыми».

– Наверное, в шутку. Так вот, с трех сторон помост окружали зрители, а с четвертой стороны он, несомненно, соседствовал с помещениями, которые актеры использовали как примерные и места для входов и выходов. Когда начали строить театры как таковые, их проектировали так, что они очень напоминали помосты в тавернах. Вот, взгляните. – Ноэль прошел вперед и помог миссис Платт-Хантер взобраться на низкий помост, стоявший посреди зала. – Помост представляет собой сцену, где играется бо́льшая часть пьесы. Она должна находиться под открытым небом, как и двор таверны. Как вы сами убедитесь, в понедельник мы попробуем создать подобный эффект, осветив ее с потолка прямыми лучами дуговых ламп. Сидящая в зале публика окажется в той или иной степени в тени. Готт немного опасался, что современным зрителям будет комфортно при полном освещении.

– Это напоминает, – заметил Нейв, – боксерский ринг на стадионе.

– Боксерский ринг! – откликнулась миссис Платт-Хантер таким тоном, словно оглашала петицию против недостойных зрелищ.

Ноэль кивнул:

– Да. Только здесь помост или арена не является островом посреди публики. С одной стороны он примыкает к тому, что представляет собой любопытную часть театра. Вы помните, как я говорил, что во дворе таверны одна сторона помоста соседствовала с некими помещениями? Так вот, актеры также использовали галереи в этой части. Им нравилось, что они могут играть на двух уровнях. Поэтому они использовали первую галерею позади сцены для «верхних» выходов. Это называлось верхней сценой. «Входит из Тауэра лорд Скелс, медленно; затем внизу входят двое или трое горожан».

– Лорд Скелс? – спросила миссис Платт-Хантер, недоуменным взглядом ища в зале одного из многочисленных знатных питомцев Скамнума.

– Это из второй части «Генриха Шестого». А еще одну галерею над ней использовали, наверное, для фанфар. Но самое интересное происходило под верхней сценой, на уровне главной сцены или собственно помоста. Вот тут и появляется занавес. Они просто свешивали занавес с галереи, и в задней части помоста результатом было нечто очень похожее на современный театр в миниатюре. Там находилась глубокая ниша с собственными входами,

поперек которой они могли задергивать или отдергивать занавес. Это называется задняя сцена. И если верхняя сцена использовалась для «верхних» выходов – балкон Джульетты, городские сцены, – то на задней сцене игрались «замкнутые» эпизоды: пещера Просперо в «Буре», спальня Дездемоны в «Отелло»...

– Или спальня королевы в «Гамлете»? – вдруг с невероятной прозорливостью воскликнула миссис Платт-Хантер.

– На самом деле это не так, – произнес подошедший Джервейс Криспин. – Спальню королевы поместят на главной сцене, поскольку на задней сцене притаится спрятавшийся за гобеленом Полоний. Гамлет шпагой протыкает полотно, отдергивает его и обнаруживает тело.

– Мне кажется, – сказала миссис Платт-Хантер, – что Шекспир иногда просто ужасен. Джервейс мрачно рассмеялся:

– Не так уж ужасен, как некоторые другие. Ноэль, расскажи миссис Платт-Хантер о еврейском люке.

– Между верхней и задней сценой есть люк. Об этом мы знаем из «Мальтийского еврея» Марлоу. У себя в галерее – то есть на верхней сцене – еврей ставит нечто вроде ловушки. Он устраивает скрытое отверстие в полу, под которым находится котел с кипятком. Потом он сам туда проваливается, занавес на задней сцене отодвигается – и вот он варится в собственном котле.

К ним присоединился Пайпер.

– Но ведь здесь нет люка, верно? – спросил он. – Он ведь в «Гамлете» не нужен?

– В «Гамлете» нужен лишь люк на главной сцене. Однако Готт настоял, чтобы на верхней сцене тоже сделали люк. Он вон там, – добавил Ноэль, когда к ним снова подошли Маллох и Готт. – Он тешит его самолюбие архивариуса.

Неторопливой походкой к ним приблизился Тимоти Такер.

– Знаете, все это наводит на мысли. – Он взмахнул рукой и обратился к Готту: – Я вот что подумал. Вы помните, что учудил Спандрел, когда выпустил книгу «Смерть смеется над замками»? Там весь сюжет строился на отмычках. Так вот, Спандрел купил три километра медной проволоки и вложил по тридцать сантиметров ее в каждый экземпляр. И скоро все стали пытаться соорудить отмычки, чтобы открывать собственные замки...

– И поощрять преступность, – сурово закончила миссис Платт-Хантер.

– Вовсе нет, – столь же сурово возразил сэр Ричард Нейв. – Напротив, безопасным образом выплескивать подспудные преступные намерения.

– Отмычки скорее всего полная ерунда, – непринужденно сказал Такер. – Но меня вот что поражает. Здесь присутствуют прекрасные декорации для детектива: верхняя сцена, задняя сцена, люки и все такое. Готт, почему бы вам все это не описать, а потом мы выпустим книгу с бумажными моделями всего – банкетного зала, сцены елизаветинского театра, тела и прочего, а? Такие штуки продаются в магазинах игрушек: «Согнуть по пунктирной линии». Думаю, мы смогли бы сделать это из цветного картона с ярким матерчатым занавесом. Каждый соберет свою модельку и начнет свое расследование.

Издатель задумчиво удалился.

– Боже мой! – воскликнул Маллох. – Мистер Такер, кажется, думает, что вы живо интересуетесь детективной прозой.

Ноэль, столько пережив из-за своего «Тигля», утратил всякое сострадание.

– Мистер Готт, – вежливо объяснил он, – написал под псевдонимом известные романы «Убийство среди сталактитов», «Смерть в зоопарке», «Отравленный загон» и «Дело о вспыльчивом дантисте».

Маллох без тени удивления повернулся к Готту:

– Чрезвычайно интересно. Однако касательно «Смерти в зоопарке»: я охотно верю, что животное можно выдрессировать, чтобы оно произвело смертельный выстрел. Но дрессировать его при помощи сладких револьверов, чтобы оно проглотило настоящий револьвер? Я спросил об этом у Мортенталера – вам же знаком его «Разум у высших млекопитающих»? – и он склонен полагать...

Теперь настала очередь Готта стонать. После тщательного осмотра сцены еще и безжалостное исследование его экзотического хобби – многовато для начала дня. Но как только он с опаской заметил, что Маллох вот-вот перейдет от естествознания в «Смерти в зоопарке» к токсикологии в «Отравленном загоне», обстановка разрядилась при появлении герцогини с телеграммой в руках.

– Джайлз, – деловито начала она, – Тони Флетчер, первый могильщик, заболел свинкой. Я послала за Макдональдом, и, если вы одобряете, я попрошу его взять эту роль.

Готт задумался.

– Не знаю, действительно ли Макдональд подходит под амплуа шекспировского шута. Склонен полагать, что он куда больше напоминает Просперо. Однако его говор приятно оживит пьесу и станет настоящим праздником для ящичка Банни. Разумеется, попробуйте его поставить. А вот и он сам.

– Макдональд, – сказала герцогиня, – хочу спросить вас: вы возьметесь сыграть могильщика?

Макдональд подумал.

– Ваша светлость подразумевает первого актера?

– Да. Могильщика.

– Можно попробовать, – ответил Макдональд уверенно, но без энтузиазма.

– Так сыграете?

– Ну, сударыня, я даже не знаю, найдется ли у меня время. Тут эти новые ребята, которые ничего не умеют, а в теплицах столько цветов...

– Но мы так на вас надеемся, Макдональд. Никому другому эта роль не по силам.

В глазах Макдональда мелькнул слабый интерес.

– Ваша светлость, я не Кемпт и не Тарлтон и боюсь перепутать строки. Однако это интересная роль, без всякого сомнения. К тому же там много есть о садоводстве... а уж про кладбищенское дело я не говорю... Мне надо будет спросить у мистера Готта о странном упоминании...

– Ну же, Макдональд! – воскликнул Готт. – Вы уже знаете роль.

– Я знаю текст как читатель, – с достоинством ответил Макдональд. – И хотя времени у меня мало, ваша светлость, я не скажу вам «нет». Я начну учить роль прямо сейчас и к концу дня буду знать почти все строки.

С этими словами Макдональд чинно удалился.

– Макдональд, – произнес Ноэль, – знает елизаветинских лицедеев и постулаты «шекспирианы». На самом деле он деревенский Готт. Немой, бесславный Маллох. Педант, не ведающий о крови своих учеников.

– Мистер Гилби, – объяснил Банни лорду Олдиру, – перефразирует знаменитую «Элегию» Грея.

4

К пяти часам вечера воскресенья Готт обнаружил, что его страхи по поводу пьесы немного улеглись. Теперь он сосредоточился на каких-то конкретных моментах, а его более серьезные опасения исчезли. Он чувствовал, что постановка удастся. Первое подспудное чувство неловкости, неясное ощущение того, что любительская труппа выставит себя на посмешище, мрачное предчувствие того, что некий дух Скамнума, вроде призрака сэра Томаса Бертрама, вдруг объявится и приведет к позорному краху всего и вся – все это исчезло. Вместо этого около тридцати человек полушутя-полусерьезно согласились принять участие в спектакле и получали от этого удовольствие. Герцогиня работала не покладая рук. Миссис Терборг рассказывала об истории любительских постановок: Элизабет Кенилворт, Вольтера, мадам де Сталь, Доддингтона и российского императорского дома. На самом деле она рассказала все, что знала, а знала она немало. Более того, Черная Рука прекратил свои выходы – или же те, кто удостоился его внимания, предпочитали молчать. А принятие в последний момент в труппу Макдональда, тщательно рассчитанное неглупой хозяйкой, имело огромный успех. В паузах между репетициями за кулисами старший садовник находился в центре внимания. Он повторил малый катехизис и прочел «Субботний вечер поселения» Бернса специально для Банни и – как он чуть позже обнаружил с легким негодованием – его черного ящичка.

Практические заботы последних дней перед постановкой, когда все актеры собрались, касались, разумеется, окончательной подгонки. Основные герои уже достаточно порепетировали, и Готту казалось, что главная линия постановки успешно установилась. Мелвилл Клэй с огромным тактом довел до совершенства то, что являлось воплощением любительского исполнения Гамлета: тихое, с минимумом жестикюляции и движения, основанное главным образом на внешней красоте стиха и прозы. В своем виртуозном исполнении в гостиной он в шестнадцати рифмованных строках гладко перешел от академической декламации к полному перевоплощению великого актера в великой театральной традиции. На сцене банкетного зала он, казалось, нашел в этой трансформации точку, где нужно остановиться для достижения поставленной цели. С труппой, находившейся под влиянием его актерского мастерства, при полном согласии других с его упрощенными драматическими канонами и при отсутствии неприятных профессиональных ассоциаций, которыми сопровождается новаторская постановка, спектакль должен был пройти неплохо. Все главные исполнители уже обладали любительским опытом: герцог выступал в школьном театре и декламировал что-то по-гречески (насколько он помнил), герцогиня играла Порцию, чем остался доволен мистер Гладстон, Пайпер состоял в Драматическом обществе Оксфордского университета и так далее. И все же, чтобы большой любительский состав гладко сыграл длинную пьесу, требовалось гораздо больше репетиций, чем смогли провести. Неизбежно возникали шероховатости, и Готт с Клэем занимались тем, что устранили их и старались не допустить нестыковок.

Многое зависело от быстроты и непрерывности действия, которые сделала возможным реконструированная сцена елизаветинской эпохи. Начало назначили на девять вечера. Предусматривался один антракт после второго акта, а кончиться спектакль должен был около полуночи. Декорации не менялись, и много реквизита двигать не пришлось. Действие станет плавно развиваться на трех сценических уровнях: главной сцене, задней и верхней. Когда наверху закончится первая сцена «Стены Эльсинора», Клавдий и его двор появятся на главной площадке для второй сцены, «Парадный зал в замке». Как только после ее окончания выйдут все актеры, отодвинется занавес перед задней сценой, за которым окажутся Лаэрт и Офелия в «Комнате в доме Полония». Занавес внизу не задернут до тех пор, пока Гам-

лет и его спутники не появятся наверху, чтобы встретиться с призраком в четвертой сцене. Таким образом, пьеса обретет динамику, которой она отличалась триста лет назад. Привыкшая к постоянным падениям занавеса перед авансценой и смене сложных декораций публика некоторое время будет сбита с толку, однако она увидит «Гамлета» таким, каким его ставили в шекспировские времена и где играл сам Шекспир.

Средств, как выразился Банни, не жалели. По принципу золотого сечения зал разделили гобеленной перегородкой, в центре которой, впереди большого пространства, помещались задняя и верхняя сцены, увенчанные крохотной башенкой. Главная сцена простиралась внутрь зала до рядов кресел для зрителей. По другую сторону перегородки имелось достаточно места для всех театральных помещений, включая артистическое фойе и гримерки. Таким образом, зал представлял собой некую самодостаточную структуру, своего рода театр. Когда начнется спектакль, не придется бегать между банкетным залом и главными зданиями Скамнума.

В субботу перед дневной репетицией Готт в последний раз осматривал реквизит. Он удивился, как мало предметов, за исключением костюмов, требовалось для постановки в елизаветинском стиле. Избыток реквизита и его нагромождение приведут к тому, что сцена начнет восприниматься фрагментарно. Более того, на главной сцене необходимо обеспечить как можно больший простор. В елизаветинские времена режиссера почти не заботило непрерывное зрительное восприятие. Он не моргнув глазом мог посреди действия поместить на главную сцену мшистую отмель или даже даму в постели. Однако не следовало без крайней необходимости конфузить современную публику, и поэтому движение реквизита на главной сцене нужно свести к минимуму. В конечном итоге Готт ограничил реквизит главной сцены двумя тронами с добавлением скамей для сцены с актерами и стола в последней сцене. Все это слуги смогут переместить достаточно незаметно. В остальном главная сцена на протяжении всей пьесы должна оставаться голым помостом.

В отношении задней сцены дело обстояло иначе. За занавесом можно двигаться как угодно. Поэтому здесь реквизита прибавится: для каждой сцены свой гобелен и больше изящных предметов мебели первой четверти семнадцатого века. Готт раздумывал над обстановкой сцены молитвы короля, когда вошла герцогиня.

– Джайлз, можно отправлять это нескладное чудовище обратно, – произнесла она, указав на широкую скамеечку для молитвы, занимавшую на сцене довольно много места. – У меня есть прекрасное епископское кресло и замечательное распятие. – Пока она говорила, два лакея принесли ящик. – Я вспомнила, что в Хаттон-Бичингс есть епископское кресло, так что я позвонила Люси Хаттон, и она прислала его вместе с распятием.

– Это не распятие, – сказал Готт, когда ящик открыли. – Это простой железный крест, что гораздо лучше. А кресло и в самом деле замечательное. Они подойдут для сцены молитвы короля, и на них укажет Гамлет, сказав: «Иди в монастырь». Кстати, череп Йорика привезли? Я решил, что кости не нужны, только череп.

– Старый доктор Биддл приедет на ужин и привезет его.

Доктор Биддл, местный врач, обещал предоставить любые нужные останки Йорика.

– Кстати, он очень хочет поучаствовать. Как вы думаете, он сможет?

Готт кивнул:

– Конечно, сможет... У нас много лишних костюмов, и из него получится очень убедительный придворный или почтенный советник. Я хотел задействовать мистера Боуза, нашего темнокожего гостя, но я боюсь, что он будет смотреться немного не к месту, как будто сошел с картины шестнадцатого века «Поклонение волхвов». В любом случае он превосходный суфлер: знает текст наизусть и прекрасно сосредотачивается. Не думаю, что он собьется хоть на долю секунды. Посмотрим, когда он появится.

– Из него получился бы прекрасный призрак отца Гамлета, – заметила герцогиня и, увидев, что приближавшийся индеец что-то услышал, добавила: – Мистер Боуз, вам надо быть призраком отца. У вас прямо-таки неземные движения.

Мистер Боуз улыбнулся, и в его улыбке присутствовало что-то, над чем Чарлз Пайпер мог просидеть всю ночь, отшлифовывая текст. Она одновременно сочетала в себе загадочность Моны Лизы и неожиданную веселость мальчишки-попрошайки с полотна Мурильо. Она была отстраненной и в то же время располагающей, ясной и необъяснимой – в тексте могут содержаться подобные противоречия. Но главное – она была какой-то бестелесной, под стать движениям, которые герцогиня определила как неземные. В фантазиях Готта иногда присутствовал загадочный восточный гость, наделенный – согласно изложенному Пайпером принципу коврика у ванны – кошачьей походкой. Мистер Боуз двигался не по кошачьи, а скорее как призрак, некий дух, на которого наложили чары и заставили говорить на нервном, трудном английском, чтобы очаровывать, удивлять и тревожить окружающих. Мистер Боуз восторженно захихикал:

– Я ведь не топаю, не топаю в вашем доме, герцогиня? Это потому, что я ем не очень много, мне кажется! – Мистер Боуз прямо-таки лучился веселостью. Готт подумал, что он мог просто оставаться забавным, и это делало бы самую тонкую западную иронию неуклюжей. А когда он становился серьезным, говоря с пугающей внезапностью и душевной простотой, его собеседник чувствовал себя, по выражению Ноэля, неотесанной деревенщиной. И все же мистер Боуз являлся также восточным ковриком у ванны. Он был обворожителен и лукав, несомненно, лукав. И если кого-то окружали миллионы мистеров Боузов, ему бы казалось, что он окружен сплошным лукавством.

– Но зимой, – продолжал мистер Боуз более серьезным тоном, – возможно, я съем яйцо. У меня есть разрешение отца на яйцо – если это нужно для здоровья.

Мистер Боуз неуверенно смотрел в будущее, такая возможность явно его беспокоила. Он стоял на одной ноге, как делал всегда, когда ему было не по себе.

– Я говорил о том, – заметил Готт, – что вы лучше любого профессионального суфлера. Вы знаете в пьесе каждую строчку.

Мистер Боуз забыл о жуткой пище и снова восторженно захихикал:

– В моей стране образование в большой мере основано на запоминании, в очень большой мере. Брамин старой школы не станет учить по книгам: слишком многое считается священным, чтобы это записывать. Наша учеба включает заучивание наизусть многих тысяч строк священных текстов. Так развивается память. Я очень быстро заучиваю английский текст, но понять, что он значит, – куда труднее. В этом я убедился, когда учился на бакалавра искусств в университете Калькутты. Теперь я понимаю почти все – даже Чосера и мистера Джеймса Джуса. – Мистер Боуз скромно улыбнулся герцогине.

Однако Готт опасался, что мистер Боуз, несмотря на свои способности суфлера, все-таки чувствовал себя не в своей тарелке.

– Мне жаль, – сказал он, когда герцогиня куда-то ушла, – что вы не играете в пьесе. Но вы же не вписываетесь в, так сказать, «цветовую схему», да? Интересно, мог ли у Великого Могола или кого-то еще быть посол в Эльсиноре?

Готт знал, что мистер Боуз обрадуется подобной шутке. И тот рассмеялся:

– Когда-нибудь я сыграю Отелло в доме герцогини. Хмурого мавра! А пока что я учусь, учусь очень многому. Хотя если у королевы был бы темнокожий мальчик... но это потом, ведь так? И на этой старой сцене нельзя гримировать людей, да? Черных нельзя сделать белыми, старых молодыми или просто приукрасить?

– Нет. Это одно из возникших условий. На этой сцене нужно использовать как можно меньше грима. И очень важно, чтобы актеры – для начала – походили на своих персонажей.

– Мистер Клэй, – произнес мистер Боуз, – очень похож на печального датчанина.

– Да. Однако сомневаюсь, что Джервейс Криспин вообще похож на Озрика. А Банни, которого нам пришлось поставить, никак не тянет на гвардейца. А викарий, к сожалению, совсем не похож на доктора богословия, хотя он им является. А лорд Олдирн? Неужели Полоний представляет собой странную смесь Шекспира и Калибана?

Он попал почти в точку: лорд-канцлер, с его высоким круглым лбом, тяжелой челюстью и характерной походкой вразвалочку, представлял собой именно это сочетание. Однако мистер Боуз был несколько потрясен.

– Лорд Олдирн, – с жаром возразил он, – очень хороший человек, ученая и просвещенная личность! Он немного дряхл из-за своих почтенных лет. В моей стране почтенные лета считаются признаком большой святости.

«Виновен в варварском отступничестве, – подумал Готт, – за что и получил легкий упрек». Однако мистер Боуз вежливо продолжил разговор, словно не было никакого потрясения:

– Леди Элизабет, кажется, не похожа на свою героиню. Она слишком красивая, не так ли?

А вот это уже телепатия. Мог ли кто-нибудь, проведя полвека в Индии, столь емко и образно отразить весь индийский характер? Он ясно выразил то, над чем Готт бился несколько дней. Офелия, столь безнадежно мятущаяся по ходу всей пьесы, должна быть несчастной красоткой – не более того. А внешность Элизабет никак не увязывалась с этой ролью, она слишком явно говорила о духе, которым бедняжка Офелия не была наделена. В чем состояла красота Элизабет? Она не являлась чем-то, что можно отделить от удивительных черт характера. Однако она также не представляла собой возвышенный и всегда трагичный тип красоты: тяжелый, роковой, странным образом подверженный меланхолии или раздумьям. Это не Розамунда, не Корделия, не Дездемона и не герцогиня Мальфийская. На самом деле Элизабет не нашлось бы места на елизаветинской сцене, она являла собой поздний образ, созданный Филдингом или Мередитом. И это пугающее откровение о скудности елизаветинской драмы, как бы между прочим высказанное мистером Боузом, стало, возможно, главным интеллектуальным потрясением, которое Джайлз Готт испытал за время пребывания в Скамнуме, которое никак нельзя назвать скучным. Он взглянул на часы.

– Пора начинать, – быстро произнес он.

В «Гамлете» тридцать персонажей с репликами, две-три из которых почти всегда пропускают. Если кто-то играет по две роли, пьесу можно играть с девятнадцатью говорящими актерами. Кроме того, понадобится несколько статистов: актер-король, актриса-королева, двое слуг, а если возможно – еще один актер, придворный и придворная дама. Толпы нет, но в пятой сцене четвертого акта все не занятые на сцене должны сгрудиться и кричать, представляя собой «датчан».

Такой состав сложился в Скамнуме. Можно было легко обойтись без дублирования: на малые роли находилось много энтузиастов-любителей. Однако отчасти потому, что изначально замышлялась игра живущих в Скамнуме, а в особенности оттого, что Готт опасался скученности на сцене и толкотни в артистическом фойе, решили задействовать как можно меньше людей. В конечном итоге роли распределились следующим образом и были внесены в программу.

Клавдий, <i>король Датский</i>	Эдвард Криспин
Гамлет, <i>принц Датский, сын покойного и племянник царствующего короля</i>	Мелвилл Клэй
Полоний, <i>ближний вельможа</i>	Йэн Стюарт
Горацио, <i>друг Гамлета</i>	Чарлз Пайпер
Лаэрт, <i>сын Полония</i>	Ноэль Гилби
Розенкранц } <i>бывшие однокурс-</i> Гильденстерн } <i>ники Гамлета</i>	Томас Поттс Тимоти Такер
Озрик, <i>фантастический щеголь</i>	Джервейс Криспин
Дворянин	Руперт Траэри
Доктор богословия	Самюэль Крамп
Марцелл } Бернардо } <i>гвардейцы</i> Франциско }	Ричард Нейв Эдвард Банни Питер Марриэт
Первый могильщик	Мурдо Макдональд

Второй могильщик	Джервейс Криспин
Фортинбрас, <i>принц Норвежский</i>	Эндрю Маллох
Норвежский капитан	Питер Марриэт
Английский посол	Ричард Нейв
Гонец	Ванесса Терборг
Моряк	Тимоти Такер
Гертруда, <i>королева Датская, мать Гамлета</i>	Анна Криспин
Офелия, <i>дочь Полония</i>	Элизабет Криспин
Актеры	Эндрю Маллох, Джервейс Криспин, Анна Меркалова, Диана Сэндис
Актер-король	Джайлз Готт
Актриса-королева	Стелла Терборг
Придворный	Генри Биддл
Придворная дама	Люси Терборг
Слуги	
Призрак отца Гамлета	Ноэль Гилби

Готт полагал, что этой труппой вполне можно управлять на доступном сценическом пространстве. За сценой общее количество присутствующих составит тридцать человек: девятнадцать говорящих актеров, семь статистов (включая самого Готта в роли актера-короля и двух лакеев, одетых в стиле Тюдоров, в роли слуг), суфлер мистера Боуза, слуга герцога и два профессиональных костюмера, мужчина и женщина, выписанные из Лондона. Нерешенным оставался вопрос о присутствии Макса Коупа как тридцать первого члена труппы. Он работал над двумя эскизами: первый представлял собой вид с хоров позади публики, второй – из угла верхней сцены, где он останется более или менее незаметным и получит интересный ракурс главной сцены. Готт хотел, чтобы тот не забирался на хоры, но он

едва ли мог на этом настаивать, поскольку именно благодаря кисти Коупа «Гамлет», сыгранный в Скамнум-Корте, навсегда войдет в историю.

Состав, как и почти всегда в любительских спектаклях, получился разношерстным в одной-двух из основных ролей и не совсем надежным в нескольких второстепенных. Лорд ТраэРН, игравший дворянина, к сожалению, забыл текст, как только ступил на помост, и превратился в неловкого школьника, хотя и благородной наружности. Питер Марриэт, один из вновь прибывших и еще не притершийся к сцене, выглядел на удивление глупым. Клэй заявил, что тот проявил достаточно рассеянности, чтобы начать реплику норвежского капитана, выйдя как Франциско в первой сцене. Готт добавил, что он упрямо и твердо договорил текст до конца. Стелла Терборг смотрелась более или менее приемлемо в роли без слов, однако она вполне могла сорваться на крик, когда в эпизоде представления ее травит ядом кто-то подозрительно похожий на Черную Руку. Еще больше опасений внушала Ванесса-гонимец и Диана Сэндис-актриса, которой предстояло прочесть пролог в сцене представления. Общим назначили роли явно не по их способностям. У Джервейса Криспина получился перебор: казалось сомнительным, что щегольство Озрика и почти клоунада второго могильщика станут выглядеть одинаково убедительно. Ноэль же выглядел слишком молодо для призрака отца Гамлета. Изначально эту роль определили доктору Крампу, викарию из Скамнум-Дуцис. Однако когда он узнал, что по ходу действия надо акробатически провалиться в люк, после чего довольно долго ползти под сценой, то предпочел более привычное ему дело: совершать панихиду на похоронах Офелии. Тем не менее Ноэль довольно быстро вошел в роль. Будучи высокого роста, как и все Криспины, и обладая глубоким басом, снискавшим ему славу на университетских торжествах, он вполне подходил на роль призрака. Готт неустанно повторял себе, что в целом все должно пройти неплохо.

В субботу днем первая генеральная репетиция прошла прекрасно. Питер Марриэт задал ей хороший тон, благодаря невероятным усилиям произнеся восемь разрозненных однострочных реплик Франциско без ошибок и в нужном месте. Банни, хотя и настаивал, что станет говорить согласно собственному представлению о произношении елизаветинской эпохи, оказался на удивление бравым Бернардо. Сэр Ричард Нейв, в жизни сухой и далекий от поэзии человек – а как же иначе, спрашивала герцогиня, если хочешь улучшить отношения полов? – довольно неплохо придал лиризма Марцеллу. Призрак в исполнении Ноэля, который репетировал с Клеем, взошел на верхнюю сцену и выступал по ней, словно по пятидесяти метрам крепостной стены.

Однако первая сцена мало говорит о том, как пойдет вся пьеса. Главное – взять хороший старт, сразу же вызвать интерес публики и поддерживать его на протяжении всего спектакля. Если начало задастся, то представление пойдет успешно. И теперь оно шло так, как хотел Готт. Создавалась желаемая им атмосфера.

«Гамлет» Готта являлся не тем «Гамлетом», которого Клэй привык играть на профессиональной сцене. Он относился к тому направлению, которое Маллох осторожно называл «новой исторической школой». Это был «Гамлет», в котором, при всей его психологической и поэтической сложности, главный упор делался на проходящий красной линией скрытый конфликт между узурпатором и законным наследником. Требовалось постоянное чувство напряженной борьбы не на жизнь, а на смерть. Поставленный в Скамнуме «Гамлет» делал акцент на битве сильных соперников. С одной стороны – коварный король и его столь же коварный вельможа Полоний. С другой – одинокая фигура принца, еще более устрашающая из-за своей умственной изоциренности. В то время как обычный «Гамлет» Клэя в значительной степени являлся порождением эмпирических умов Гёте и Колриджа, главный герой Готта в большой мере вел свое начало от весьма сильных и достойных предшественников Шекспира.

Клэй с энтузиазмом погрузился в новое прочтение пьесы, хотя это требовало больших усилий. И вот во второй сцене начал сказываться результат. Здесь в Клавдии и Гамлете воплотились два антагониста, которым доёжно сражаться до конца. Здесь начинался поединок, очевидный для любого зрителя эпохи Возрождения. С развитием действия Готт подумал, что он смотрит не просто аккуратно и достоверно поставленного «Гамлета», но «Гамлета» просто замечательного, пока на сцене продолжал воплощаться главный конфликт. Клэй был великим актером, и Готт едва ли это осознавал до своего скамнумского «предприятия», хотя ему было известно о его блестящих успехах. Куда более примечательным являлось то, что герцог Хортон также был великим актером. Чуть раньше он поражал всех во время своих редких и отрывочных появлений на репетициях, а теперь он просто потрясал. В результате этого пьеса принимала заданное Готтом направление. Задумчивый Гамлет стал лишь внешней оболочкой образа. Королева и Офелия отошли на второй план. Пьеса вращалась главным образом вокруг борьбы за власть. Важность обретали именно государственные мужи: лишившийся трона Гамлет, с одной стороны, Клавдий и Полоний – с другой.

Готт смотрел за течением пьесы с неким критическим любопытством, с которым изучают крайне сложный предмет, коим занимаются очень долго. Загадочная сила искусства! Вот Мелвилл Клэй сошелся в схватке с герцогом Хортоном и лордом Олдирином на псевдоелизаветинской сцене в псевдоготическом зале. И невозможно не поверить, что в их поединке решается судьба королевства.

Пусть будет представленьё,
И совесть скажется и выдаст преступленьё.

Голос Гамлета звенел, торжественно предвкушая исполнение своего замысла. Первая часть генеральной репетиции закончилась.

В перерыве подошел Нейв с часами в руках.

– Как же быстро это подвигается!

– Со скоростью диалогов, – заметил Клэй.

Готт кивнул:

– Диалоги помогают двигаться вперед. Они устанавливают связь между слухом и зрением. Вы заметили, как все сразу оживилось после репетиции? Двигаются быстрее. Взгляните на герцога – он дышит энергией, словно распорядитель.

– Я бы сказал, – начал Нейв, – что это скорее эффект отката. Все они играли, а теперь в большей мере, чем обычно, возвращаются к своему настоящему «я». Переход от возбужденного состояния во время пьесы выявляет то, что обычно называлось главным интересом, или что ваши елизаветинцы называли преобладающим настроением.

Наука, которой занимался Нейв, была молодой и бурно развивалась, так что он всегда охотно говорил о ней, даже во время перерыва на репетициях. После того как Клэй торопливо ушел, он продолжал обращаться к Готту:

– Взгляните на юного Гилби. Он увивается за этой девушкой Сэндис. Полагаю, ему двадцать два года, и она, возможно, первая девушка, на которую он по-настоящему обратил внимание. Таковы, мистер Готт, замечательные традиции нашей образовательной системы! А каков результат? Высокая степень увлеченности, высокая степень нерешительности, обостренные поиски ответов на вопрос «что делать дальше?». Однако перевоплощение в образ суеверия шестнадцатого века придало ему сил. Он с двойной энергией обратился к своей доминирующей цели и достиг поразительно высокого уровня сексуальной активности.

Готт был несколько старомоден, чтобы по достоинству оценить остроумие формулировок психолога. Однако ему пришлось признать его наблюдение справедливым. Ноэль очень серьезно относился к Диане Сэндис. В этот момент, все еще закованный в блестящие доспехи призрака, со шлемом в руке, он предавался ухаживанию со всей прямоотой рыцаря Круглого стола явно из эпохи, предшествовавшей Теннисону.

– Вы что-нибудь знаете об этой девушке? – спросил Нейв.

– О мисс Сэндис? Она школьная знакомая Элизабет, довольно старше ее. И подумать только, она тоже психолог. – Он взглянул на Нейва, стараясь выглядеть достаточно экстравагантно, чтобы тот не обиделся на это замечание. – Точнее сказать, прикладной психолог, воздействующий на коллективное бессознательное в интересах продавцов мыла, чулок и консервов. По-моему, это называется копирайтинг.

Нейв холодно кивнул:

– Да, реклама в конечном счете – одно из наиболее безобидных ложных толкований науки. Кто бы она ни была, она бесчувственная особа.

Весь его тон указывал на то, что для сэра Ричарда Нейва бесчувственность являлась одной из главных девичьих добродетелей. Внезапно он переменял тему:

– Кстати, каковы на самом деле отношения между главными актерами в сцене представления?

Готт не сразу понял вопрос, возможно, оттого, что почувствовал смутное беспокойство. А Нейв, неправильно поняв заминку, добавил:

– Я спрашиваю как старый друг семьи.

– Между Джервейсом Криспином и мадам Меркаловой? Я не сведущ в их личных делах.

Однако сдержанность Готта не удовлетворила Нейва:

– Иными словами, вы разделяете общее мнение, что она его любовница? Но именно это и интересно. Я не вижу привычных любому закономерностей. Русская женщина в подобной ситуации, вращаясь в такого рода обществе, настаивала бы на соблюдении неких правил поведения – чуть большей дистанции и церемонности. Посвященным это сразу все объяснит, а непосвященные также останутся в неведении.

– Боже мой! – ответил Готт, и вправду убедившись, что знает о скрытых пороках меньше, чем надлежит писателю. – Вы посвящаете меня в чужие тайны, сэр Ричард.

– Вместо этого они... Ну, не то чтобы невинные голубки, но неразлейвода.

Готт рассмеялся:

– Если бы Джервейс Криспин решил устроить крупнейшую в Англии поживу, ему пришлось бы взломать свой сейф. Едва ли склонен думать, что дама может стать его соучастницей.

Под вечер субботы произошло еще одно нашествие гостей. Чай пили на обсаженной кедрами лужайке, по которой ходили актеры в своих костюмах, и это напоминало благотворительный бал. У Готта сложилось впечатление, что лорд Олдирн без особого восторга наблюдал за растущей толпой. И вскоре он, казалось, получил подтверждение. Олдирн, занятый серьезным разговором с герцогом, вдруг развернулся и направился к нему.

– Мистер Готт, мне нужно уехать. Во всем, что предстоит завтра, кто-то должен прочесть мою роль. Я вернусь в понедельник утром – с Божьей помощью.

С этими словами лорд Олдирн исчез в доме. Через двадцать минут он сел в машину и с ревом укатил. Готт подумал, что это как-то взволновало герцогиню, поскольку к веселости, с которой она обходила гостей, добавилась некая решительность. К тому же исчезла необычная легкость, которую он заметил в герцоге сразу после репетиции. Хозяин Скамнума стал рассеянее обычного.

Ноэль увел свою Диану играть в крокет. Она закалывала полы его костюма призрака, развевавшиеся, как пеньюар, чтобы он не наступил на них. Памела Хогг, толковавшая об Армагеддоне, пленяла Томми Поттса разговорами о коневодстве. Миссис Терборг плыла среди публики, узнавая большинство гостей, находя общих друзей в Париже, Вене и Риме, умело представляя Ванессу благоразумно выбранным интеллектуалам и столь же умело знакомя Стеллу с чуть менее тщательно отобранными состоятельными олухами. Все это вызывало у Готта смутную тревогу.

Ужин в тот вечер выдался просто гигантский. Бэгот, который не смог справиться с подачей первого блюда, придерживался мнения, что это банкет. Его хозяин, наблюдая за сидевшей довольно далеко от него женой, полагал, что это страшная скучища. Макс Коуп, заметив устремленный на герцога взгляд Готта, со значением перевел взор на панели над камином. Готт понял, в чем дело. Там висел портрет первого герцога работы Кнеллера. С него смотрел пожилой мужчина, добросовестно выписанный под вельможу эпохи Реставрации, и его острые черты лица окутывала та же пелена равнодушия, которую напустил на себя сидевший во главе стола восьмой герцог Хортон. Готт оглянулся вокруг, ища ту же черту характера на лицах других членов семьи. У Джервейса она начисто отсутствовала. У Ноэля, Криспина по боковой линии, она когда-нибудь появится. А Элизабет? Элизабет относилась скорее к Криспинам, нежели к Диллонам, но этой чертой она не обладала. Наследственные качества, возможно, не столь ярко проявлялись по женской линии. Весь остаток ужина Готт размышлял над очень простым фактом. Его никогда особо не тревожила постановка «Гамлета» в Скамнум-Корте. Не в его характере было тревожиться по такому поводу, и он чувствовал, что все его волнения являлись опосредованными. Волноваться из-за Икс, готовясь к прыжку на Игрек.

Любопытно, как озабоченный чем-то ум цепляется за нечто незначительное, за чисто практические выводы и следствия, лежащие где-то на периферии. Как бы то ни было, профессор колледжа Святого Антония, например, не мог жениться на дочери герцога и выйти сухим из воды. Готт знал, что ему придется или оставить ученую карьеру, или же неизбежно стать ректором после ухода на пенсию старого Эмпсона. Элизабет, нынче учившаяся в колледже из-за эксцентричного характера своей матери, переместилась бы в ректорские апартаменты, принимая жен профессоров, студенток и периодически наезжающих Банни.

Подспудные страхи... Чуть позже, гуляя с Элизабет по залитым лунным светом садам, он продолжал прокручивать их у себя в голове. Двадцать один и тридцать четыре. Тридцать один и сорок четыре, сорок один и пятьдесят четыре, семьдесят один и восемьдесят четыре. Но – что ужаснее всего – когда-то было шесть и девятнадцать. Тогда Элизабет была знакомым ему существом. Теперь же, когда она шла рядом с ним там, где он давным-давно удерживал ее на толстеньком пони, она была далека, как звезды, и загадочна, как обратная сторона Луны.

Они молча шли по одной из знаменитых скамнумских аллей. Высокие, непреодолимые живые изгороди исчезали вдаль, словно во сне. Стоявшие на пьедесталах статуи, целый Олимп мраморных божеств, словно выстроившихся по ранжиру по обе стороны дорожки, отбрасывали молочно-призрачные тени на темные отвесные стены кипарисовика. В конце аллеи стояла ярко освещенная луной одна из небольших прихотей Питера Криспина – колоритный коровник. Коровник обычно не является принадлежностью ухоженного сада, однако Питер Криспин любил располагать диковины так, чтобы они были под рукой. Когда в Скамнум приезжали гости, он обычно приказывал завести туда коров, а его друзья, выйдя на первую прогулку, угодливо восхищались, обнаружив животных в том месте, которое внешне выглядело как развалины монастыря. Нынче коровник по-прежнему отличался живописностью, но по прямому назначению больше не использовался: там хранили минеральные удобрения. Прямо за ним за высокой стеной лежала дорога в Кингс-Хортон.

Элизабет на секунду задержалась у пустого пьедестала.

– Здесь стояла пандемийская Венера, – сказала она. – Бабушка приказала ее убрать, поскольку находила статую вызывающе некрасивой. Как доктор Фоллиот, Джайлз, в замке Кротчет.

Легкая ирония была вполне в духе Криспинов. В конце концов, Джайлз годился ей в наставники.

Еще шесть статуй до коровника. Он вдруг вспомнил жуткие слова Нейва: «Двадцать два года... высокая степень увлеченности, высокая степень нерешительности и обостренные поиски ответов на вопрос «что делать дальше?». Ноэлю двадцать два. Готту тридцать четыре. Тридцать четыре и двадцать один, восемьдесят четыре и семьдесят один.

– Олдирн внезапно уехал, – промямлил Готт.

– Он узнал нечто важное, – последовал рассеянный, но предвещавший бурю ответ.

Две статуи... одна... за угол...

– Элизабет... – начал Готт.

Та схватила его за руку:

– Смотрите!

Из-за псевдоразвалин монастыря выскользнула человеческая фигура. Раздался тихий свист, небольшой предмет перелетел через стену, сверкнув в лунном свете, кто-то просвистел в ответ, после чего фигура исчезла. Через секунду послышался приглушенный рокот двигателя мощного автомобиля.

– Слуги развлекаются, – сказал Готт.

– И их ждет «Даймлер»? – В голосе Элизабет Готт, к своему удивлению, услышал далекий отголосок ленивого равнодушия герцога. – Нет. Это то, что иногда случается в Скамнуме с тех пор, как моя предприимчивая мама решила сделать папу государственным деятелем. – Она кисло улыбнулась. – Нечто захватывающее, от чего ваше высокое искусство воротит нос, Джайлз. Шпионаж.

В ночь на понедельник Черная Рука разыграл свой самый яркий и эффектный спектакль. В полной темноте весь Скамнум внезапно огласился зловещим звоном огромного колокола. Он пронесся по коридорам и затопил сотни дальних комнат сперва мрачным перезвоном, перешедшим чуть позже в оглушительное стаккато. Когда пораженные хозяйка и гости выскочили из спален и ринулись по коридорам, когда герцог, словно капитан на мостике, стоял у подножия главной лестницы и командным голосом кричал, что не надо бояться пожара, колокол вдруг смолк. Через мгновение его сменил громовой, но странно знакомый голос:

...еще до той поры, когда
Здесь пролетит мышей летучих стая,
Как будто бы услышав зов Гекаты,
И жук, гудя, проследует за ней,
Произойдет тут нечто страшное и злое...

Как бы затейливо голос ни отражался, раздаваясь сразу отовсюду, можно было определить, что он доносится откуда-то снизу. Готт, которого словно осенило, ринулся вниз по лестнице. Голос угрожающе продолжал:

Приди сюда, таинственная ночь,
Закрой глаза сегодняшнему дню,
Рукой своей, окровавленной и незримой

Разбей мои оковы...

Тишина. Готт снова поднялся по ступенькам.

– Это проигрыватель, – сказал он. – Поверните регулятор и получите нужную громкость. К тому же он сам меняет пластинки. Первая – перезвон, жуткий звук колокола. Вторая – монолог Макбета в исполнении мистера Клэя. Еще один глупый розыгрыш.

Клэй, невероятно красивый в расшитом блестками халате, непринужденно кивнул.

– То-то голос показался мне знакомым, – ответил он. – Я давно записал этот отрывок и считаю, что это была ошибка. Какая цитата тут годится больше всего?

Ванесса Терборг отвлеклась от увещаний Стеллы. В ней возобладало стремление оказаться в нужное время в нужном месте.

– Звук ангельских труб и ужас колокольного звона. Мне не кажется, что кто-то испугался. – Она вновь перевела строгий взгляд на сестру.

Готт сомневался, что ее слова убедили еще кого-то, кроме робкой Стеллы. Он сам перепугался. Тот, кто решился устроить этот жуткий спектакль, вряд ли перед чем-то остановится.

5

Акт 3
сцена 4

Комната королевы с гобеленом в виде занавеса на задней сцене. Входят королева и Полоний.

Полоний

Сейчас придет. Вы будьте с ним построже;
Скажите, что его поступков дерзость
Нельзя терпеть, что вашим заступленьем
Утишен гнев обиженного дяди.
Я спрячусь здесь. Прошу вас, не щадите.

Гамлет (*за сценой*)

Мама, мама, мама!

Королева

Ручаюсь вам; о мне не беспокойтесь.
Я слышу, он идет – уйдите.

Полоний прячется за занавес на задней сцене. Входит Гамлет.
Гамлет

Ну, матушка, скажите, что угодно?

Королева

Отец твой, Гамлет, оскорблен тобою.

Гамлет

Увы, отец мой вами оскорблен.

Королева

Ну, полно, сын, ты отвечаешь дерзко.

Гамлет

И, полно, матушка: вы говорите зло.

Королева

Что это значит, Гамлет?

Гамлет

Что такое?

Королева

Иль ты забыл меня?

Гамлет

О нет, клянусь вам Богом!
Царица вы, вы – деверя супруга,
И – если бы не так – моя вы мать.

Королева

Так пусть с тобой другие говорят. (*Собирается уйти.*)

Гамлет (*хватает ее за руку*)

Постой, садись: ты с места не сойдешь,
Пока я зеркала тебе не покажу,
В котором ты свою увидишь душу.

Королева

Что хочешь делать ты? Убить меня?
Эй, помогите!

Полоний (*за занавесом*)

Помогите! Эй!

Гамлет (*обнажает шпагу*)

Как! Мышь? Мертва, мертва, держу червонец! (*Прокальывает
шпагой занавес.*)

Полоний (*падает*)

О, я убит!

Королева

О горе! Что ты сделал?

Гамлет

Не знаю. Что? Король? (*Поднимает занавес и видит мертвого Полония.*)

Королева

Какой кровавый необдуманный поступок!

Пожилые члены королевской семьи, возможно движимые неким монаршим чутьем не принимать участия в чем-то хоть немного странном, в конечном итоге решили не приезжать. Парадное убранство свернули, а юные дамы, узнав эту новость на полпути в гостиную, разбежались по своим комнатам, чтобы облачиться в более легкомысленные наряды. Бэготу пришлось с полчаса повозиться, убирая сервиз, который в Скамнуме ставили на стол только для членов царствующего дома. А в зале вдовствующая герцогиня сидела одна в первом ряду. Справа от нее пустовали два стула, предназначенные для «настоящей» герцогини и ее дочери. Старая герцогиня у всех вызывала опасения, и Готт вздохнул с облегчением, узнав от Ноэля, что почтенная дама скорее всего проспит бо́льшую часть пьесы. Так что постановке «Гамлета» ничто не должно помешать.

Питер Марриэт внес некий сумбур. После ужина он заявил, что совсем запутался, и с жалким видом спросил Ноэля, кто же говорит первым: Франциско или норвежский капитан? А Ноэль опрометчиво решил, что ответ можно найти с помощью стаканчика бренди: ведь при изучении первой сцены создавалось впечатление, что стражи Эльсинора частенько прикладывались к фляге. Но поскольку двор Клавдия славился своим разгульным весельем, это могло сойти за оригинальную режиссерскую задумку. Готт прочел в глазах Маллоха явный намек на то, что это будет живо обсуждаться в профессорских кругах. Но серьезных сбоев не произошло. Первая часть спектакля прошла быстро и гладко, закончившись под гром аплодисментов.

Теперь публику, которая в перерыве разбрелась по залу и по сцене и предавалась оглушительной болтовне, характерной для больших светских раутов, вновь определили по местам. Банни включил свой черный ящик и поставил его на пол рядом с вдовствующей герцогиней. Актеры вернулись в артистическое фойе, и Томми Поттс, проявивший недюжинные способности герольда, объявил начало первой сцены третьего акта под звук фанфар. После второго зова фанфар занавес на задней сцене отодвинулся, открыв «зал для аудиенций». Плотной группой вошли король с королевой в сопровождении Полония, Розенкранца и Гильденстерна, о чем-то беседуя и что-то замышляя. Позади них появилась Офелия. Началась вторая часть спектакля.

Первая сцена третьего акта изобилует техническими трудностями. Готт напряженно следит за развитием действия, стоя у сцены в своем костюме актера-короля. Розенкранц и Гильденстерн ушли, чуть не касаясь друг друга головами, по-прежнему что-то замышляя. Король продолжил тихим и тревожным голосом, который, тем не менее, ясно звучал в зале:

Оставь и ты нас, милая Гертруда;
Мы тайно Гамлета сюда призвали,
Чтоб здесь он встретился, как бы случайно,
С Офелией. Ее отец и я,
Мы станем здесь – законные шпионы,
Невидимо увидим их свиданье
И из поступков заключим...

Королева ушла. У епископского стула появилась Офелия с книгой. Король произнес в сторону горькие слова раскаяния, подводящие его к покаянию в сцене молитвы. Затем они с Полонием спрятались. Появился Гамлет и прошел на самый край главной сцены.

– Быть иль не быть...

Для актера это самый трудный монолог во всей трагедии, трудный потому, что он вошел в сокровищницу английской поэзии, и каждое его слово окутано легендой. Теперь он торжественно звучал из уст Мелвилла Клэя:

Кто снес бы бич и посмеянье века,
Бессилье прав, тиранов притеснение,
Обиды гордого, забытую любовь,
Презренных душ презрение к заслугам...

Гамлет медленно обходил сцену, ступая в такт своим словам. Он приближался к Офелии.

Так всех нас совесть обращает в трусов,
Так блекнет в нас румянец сильной воли,
Когда начнем мы размышлять: слабеет
Живой полет отважных предприятий,
И робкий путь склоняет прочь от цели...

Он увидел Офелию. Дальше шли, по мнению Готта, самые красивые строки во всей трагедии:

Но тише.
Офелия! О нимфа! Помяни
Мои грехи в твоей святой молитве!

Настал момент, когда Клэй должен был проявить все свое мастерство. Без единого слова со сцены публике следовало понять, что Гамлет вдруг осознал, что присутствие Офелии является частью заговора. С этой секунды он станет говорить с ней резко и предвзято, весь его ум сосредоточится на поисках врагов. Это осознание чрезвычайно трудно передать, поскольку его предвосхищает одно замечание, сделанное вскользь намного раньше. Все станет ясно, если король или Полоний случайно выдадут свое присутствие, но для этого нет оснований. На это можно не обращать внимания, что часто и делают, однако потом жестокость Гамлета начинает вызывать отвращение. Чтобы довести дело до конца, Гамлет должен сосредоточиться и все вспомнить.

Клэй сосредоточился. Он замер.

– Ты честна... ты хороша собой?

Он произносил слова как будто в забытьи. И каждая последующая фраза, сама по себе потрясающая, звучала как-то механически. Речь продолжалась, чтобы закончиться банальным утверждением: внешность женщин обманчива. Но силы этого человека были направлены куда-то в другую сторону. Для этого Гамлета реальным оставалось лишь одно: присутствие врагов, скрывающихся где-то рядом, плетущих заговор и ставящих последнюю

ловушку. На самом деле здесь довольно устрашающе материализовался Гамлет «исторической школы».

Он исчез. Если бы Готт мог себе позволить несценические жесты, он бы вытер пот со лба. Теперь голос Офелии-Элизабет четко и трагично произносил ее последний монолог:

Какой высокий омрачился дух!
Язык ученого, глаз царедворца,
Героя меч, цвет и надежда царства,
Ума и нравов образец...

Король и Полоний вновь вышли из укрытия, чуть не касаясь головами. Полонию не терпелось снова спрятаться.

Распорядитесь,
Как вашему величеству угодно;
Но, если вы сочтете сообразным,
Пусть государыня, по окончаньи пьесы,
Попросит Гамлета наедине
Открыть ей грусть свою. Пусть откровенно
С ним говорит; а я, когда угодно,
Здесь стану так, чтоб слышать разговор.
Когда и ей он сердце не откроет,
Пусть едет в Англию иль пусть простится
С своей свободой, когда тюрьму
За лучшее сочтете вы лекарство.

Полоний удалился, решив спрятаться в комнате королевы. Король повернулся к публике и грозно поднял руку, чтобы усилить звучавшую в заключительном двустушии угрозу:

Быть так.
Безумству знатного не должно блуждать
без стражи.

Затем он отступил на заднюю сцену, и занавес закрылся.

Акт 3, сцена 2 – сыграна.

Акт 3, сцена 3 – сыграна.

Акт 3, сцена 4... И вновь занавес на задней сцене закрылся, на сей раз оставив короля коленопреклоненным у епископского кресла в своих тщетных молитвах. Тотчас же на главной сцене появились королева и Полоний в комнате королевы.

Мистер Боуз, сгорбившись в своей будочке на краю задней сцены, слог за слогом следил за репликами едва видимых ему актеров. Наказ Полония «быть построже», зов Гамлета впустить его, шуршание занавеса на задней сцене, когда Полоний проскользнул с главной сцены, чтобы «спрятаться».

Ссора между Гамлетом и королевой набирала силу. Раздался возглас королевы:

– Эй, помогите!

С задней сцены эхом отозвался голос Полония:

– Помогите, эй!

Мистер Боуз, не отрывая глаз от текста, вздрогнул и замер. В зале раскатисто прогремел пистолетный выстрел.

Часть вторая Развитие

*Сядьте здесь –
И тот, кто знает, пусть нам объяснит,
Зачем так строго бдительная стража
Вассалов Дании лишает сна?
Зачем народ, трудясь и день и ночь
В поту лица, не смеет отдохнуть?
Кто объяснит мне?*

1

Мистер Джон Эплби из Скотленд-Ярда сидел в театре. Принадлежа к новому типу полицейского, он пошел на балет и ждал, когда после «Волшебной лавки» начнутся «Предзнаменования». Поскольку платили ему по-старому и он обладал весьма скромными накоплениями, то сидел он там, как во времена его проведенного в провинции детства говорили, «семейным кругом». Но, будучи не женат, он сидел там без семьи, а обладая серьезным и несколько застенчивым характером – то и без дамы сердца. Вследствие этого он мог посвящать антракт размышлениям о балете как о чисто мужском стиле. Эплби живо интересовался литературными новинками на эту тему. Он размышлял о японских акробатах – они, разумеется, не балет, но могут ли они также относиться к чисто мужскому стилю? – когда начал гаснуть свет и зал наполнился музыкой Чайковского, насыщенной размышлениями о загадочной Вселенной.

Театральные завсегдатаи, перенесшиеся из светских гостиных и свысока взиравшие на партер, неторопливо шли по проходам и рассаживались по местам. Сидевшая рядом с Эплби дама закрыла коробку с шоколадными конфетами и поместила ее под кресло. Торжественно поднялся занавес, открыв убранныю в стиле импрессионистов сцену. Как бы там ни было, подумал Эплби, для кого-то это новаторское решение, а для кого-то просто «выстиранные декорации».

Красно-коричневые дамы, своими костюмами напоминавшие что-то испанское, зелено-коричневые мужчины, чуть стыдившиеся своего грима (как можно стыдливо и лицемерно предположить), сценическое действие в мелких складках юбок и дивной грациозности поворотов... «Все они снова на сцене», – размышлял Эплби, который почти превратился в закаленного балетомана. Разумеется, это захватывало, а вот Чисто Мужской Стиль – с заглавных букв – едва ли мог вызвать восторг. Беспokoило то, что эти живые фигуры как будто что-то задумывали и замыслили – смертельный образ вскоре появится, – словно глухонемой, пытающийся что-то сказать с помощью изощренной жестикуляции. Мужчины на фоне задника скакали от кулисы к кулисе в три невероятных прыжка, потом они проделывали тот же путь парами, держа дам перед собой с поднятыми, словно тараны, головами. Все, очевидно, с космическим размахом старались передать, как и музыка, Природу Вещей. «Но чем чаще приходишь, – подумал Эплби, – тем хуже это получается, тем больше удовольствия доставляют отдельные движения – например, изящная точность па-де-де, обозначенного в программке как Страсть». И все же больше всего в «Предзнаменованиях» ему нравилось пришествие Судьбы. Жаль, что Судьба появлялась в черном, словно эфиоп, и отступала на пятках, словно в фарсе. Однако в ее появлении органично сочетались драма и хореография.

Эплби вспомнил своего дядю Джорджа, любившего декламировать перед гостями стихотворение Джозефа Кэмпбелла, начинавшееся словами «В Шотландию вождь клана торопился». На слове «торопился» тот буквально выскакивал на середину комнаты. Судьба появлялась вовсе не так. На огромной сцене жизнь шла своим чередом, ровно и размеренно. И вдруг там оказывалась Судьба, прихода которой никто не заметил и которая еще скажет свое грозное слово.

Балет почти закончился. Мужчины появились в новых, еще более футуристических костюмах: они превратились в машины, в пехоту, под огнем пересекавшую поле боя. Человеческое зло, как указывалось в программке, возбуждало изуверскую страсть к войне – и красно-коричневые дамы, также преобразившиеся, сами поддались очарованию войны. Как чистая пантомима, это производило впечатление, но символизм действовал на нервы. Теперь финал – неоднозначная победа. Герой живописно прыгает на плечи партнеров, протягивая вперед руки. Возможно, к Будущему, но неминуемо к невидимой трапеции, что опять навело на мысли об акробатах, и казалось, что кордебалет вот-вот заплодирует и начнет отвечать церемонные японские поклоны.

Сидевшая рядом дама стала искать коробку с конфетами.

Эплби вышел из театра и неторопливо шел по ночному Лондону, рассуждая сам с собой о том, как меняются его обывательские представления. Он много работал на ниве сыска, часто делая работу своим отдыхом, и было приятно провести три часа, никак не связанные со службой – монотонными погонями за взломщиками в Эрлс-Корте и опрометчивыми филантропами в Сити. Когда он спускался по лестнице у колонны герцога Йоркского, его взгляд упал на Адмиралтейство и заскользил по разномастной веренице правительственных зданий. Спасибо Пальмерстону, что Казначейство – или это Форин-офис? – не стало воплощением псевдоготики. Где-то вдали, сразу за Даунинг-стрит, горел одинокий огонек. Занимались ли там его менее одаренные современники повседневной работой? Что они там делали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.